

2

Volume

©CIBUNET

North American, European and Russian literature: modern problems of study

Social and humanitarian studies

New York

North American,
European and Russian literature:
modern problems of study

Volume 2

New York – 2013

Copyright © CIBUNET Publishing 2013

All rights reserved.

No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted, in any form or by any means, without the prior permission in writing of the publisher, nor be otherwise circulated in any form of binding or cover other than that in which it is published and without a similar condition including this condition being imposed on the subsequent purchaser.

North American, European and Russian literature: modern problems of study. Volume 2 /
ed. by M.Asper. – New York, CIBUNET Publishing, 2013. – 52 p.

CIBUNET Publishing Monograph Series No. 2

ISBN 978-1-940260-11-2

Typeset in Berling by Buchdruckerei Neuenhof, Germany, Stuttgart Printed and bound in
Deiningen, Germany by Druckerei&Verlag Steinmeier GmbH & Co KG

Cover design by Andreas Becker
Additional design by Peter Meyer

CIBUNET Publishing
P.O. BOX 444
Woodlawn, NY 10470, USA

www.cibunet.com

While every effort and care has been made to ensure the accuracy of the information contained in this publication, the publisher cannot accept responsibility for any errors or omissions it may contain.

The opinions expressed in this book are the responsibility of the author(s) and do not necessarily reflect the opinion of the editor.

*Kalita Inna Vladimirovna, Ph. D., The University
of Jan Evangelista Purkyně, Czech Republic
The Department of Bohemistic Studies, The Faculty of Pedagogy.
Калита Инна Владимировна, университет
Яна Эвангелисты Пуркине, Чехия
Доктор философии, кандидат филологических наук,
кафедра богемистики.*

Generational Identity (New Literature at the Crossroads of Modernity)

Поколенческая идентичность (Новая литература на перекрестке современности)

Generational Identity (New Literature at the Crossroads of Modernity)

The article presents some aspects of the modern literature development regarding generational identity. The sense of generational identity is based on common roots and develops from the similar social, artistic and aesthetic ideals, as well as from the total confrontation with predecessors. It is closely interconnected with own ideals proclamation, artistic programs and style elaboration.

The author analyzes the modern time literature production, considers the names that could recall the reader's childhood memories and raise the hope for future. The analyzed products might be treated as a bridge between the Soviet past and the present, since they reflect generational communication contacts and conflicts within the borders of cultural development.

The 60's could be the most impressive example of generational identity manifestation in the 20th century; that was the time when the whole experience of Russian (even before the the Soviet Union collapse) and Soviet literature was summed up.

The literary tradition of „40 +“ generation (born between 1950 and 1970), whom the author names „as if the grandchildren of the sixties“, was focused on the everyday life fixation.

The desire for freedom and the perception of one of the most painful issues of our time such as the issue of ecology (the Earth, the ecosystem of the national language, the ecology of the soul) appear to be the main creative motives of the studied writes (such as A. Kratenko, L. Kuznetsov, A. Krahin, S. Milayev, I. Rozdobudko, A. Bravo).

The above mentioned writes are the representatives of different national cultures being connected because of a common generational identity. Generational identity cannot be understood as a subculture which unites members who need to meet to discuss some issues, it is rather more a spiritual community which has a potential to put the efforts in certain situations.

Данная статья представит некоторые аспекты развития современной литературы, связанные с идентичностью поколения. Чувство поколенческой идентичности основывается на общих корнях, «вырастает» из одинаковых или подобных социальных, художественных и эстетических идеалов, из общего противостояния предшественникам (проблема отцов и детей). Связано с провозглашением собственных идеалов, художественных программ, работой над стилем. Обозначенные точки отсчета являются для авторов — представителей одной генерации общим источником творческого вдохновения, который, однако, каждый автор использует в соответствии со своими личными эстетическими принципами и внутренним «Я».

Задачей статьи является представить современную некоммерческую литературу и обозначить основные тенденции в ее развитии. В нашем избирательном подходе к анализу литературной продукции нового времени рассмотрим имена, которые интересны тем, что несут читателю тепло утраченного домашнего очага — их детства, и надежду на будущее, являются мостиком между советским прошлым, идентичность которого впитали ранее (как и любой житель постсоветского пространства, хотя и в разной мере), и отражают проблематику контактов и конфликтов поколений в развитии культуры. Данная статья предполагает экскурс в прошлое, возвращение к общим корням, на которых развивалась советская литература, выростившая писателей, активно продуцирующих сегодня.

Целью статьи является обратить внимание на генеративные доминанты, сильные впечатления (исторические), впечатления поколения, либо впечатления индивидуальные, ставшие импульсом к созданию художественных произведений. Феномен контакта с «другим» (чужим) или «собственным» часто ложится в основу произведений, это в свою очередь дает возможность сравнить разные системы ценностей и способы восприятия мира. Для нас важно проследить как постсоветская литература подчеркивает (или перечеркивает) предыдущий опыт, как преподносит важность того, что автор или поколение воспринимает как значительное. Причины и последствия культурных конфликтов имеют у отдельных групп много общего, тем не менее, существуют свои особенности и различия. Фундаментальное развитие цивилизации, каждый виток которого вместе с научно-техническим развитием несет дальнейшие размежевания поколений, является импульсом для дальнейшего общественного развития, одновременно — для противостояния и переоценки прошлого.

Каждое поколение, впитывая накопленный мировой и национальный культурный опыт, занимается его «аранжировкой», адаптируя и приспособливая его понятия и категории к новой эпохе. Именно этот закономерный, чаще неосознанный, подход поколения к трансформации культурного текста способствует его адекватному восприятию новыми поколениями потребителей культуры. «Облегченная версия» любых оригинальных текстов культуры способствует их более гармоничному внедрению в обновляющееся культурное пространство.

I. Атрибуты поколения

1.1 Поколенческая идентичность

Понятие *генерация* или *поколение* находится в поле зрения сразу нескольких дисциплин. При его рассмотрении, по мнению Карла Манхайма, сходятся два подхода: позитивистский и историко-романтический. Два способа восприятия мира подходят к теме с двух противоположных сторон. Первый — видит свой идеал в квантификации проблематики; старается установить квантитативные границы человеческой жизни. Второй — избирает качественный метод исследования, отказываясь от математической ясности, обращается к внутренней сущности проблемы. Если при рассмотрении *поколения* будем ограничиваться конкретными датами, сведем на нет человеческое существование в известном нам смысле — культура, созидание, традиции; при таком подходе все это исчезает, или по крайней мере, приобретает абсолютно иной вид¹.

В наши задачи входит наблюдение над творческой реализацией *поколения* в *литературе*, при рассмотрении будем учитывать взаимосвязь социальной и духовной сфер, поскольку развитие социума всегда обусловлено *временем*, которое, по М. Хайдеггеру, издавна служит онтологическим критерием наивного различения разных регионов сущего.

¹ Mannheim K. Problém generací. Překl. D. Blahutková: K. Mannheim 1964. Wissenssoziologie: Auswahl aus dem Werk. Berlin: Luchterhand, s. 509–565. – Sociální studia. 1–2/2007. S. 11–44.

«Отграничивают “временно” сущее (процессы природы и события истории) от “невременно” сущего (пространственные и числовые соотношения). Заботятся об отделении “вневременного” смысла пропозиций от “временного” протекания их высказываний. Далее находят “пропасть” между “временно” сущим и “надвременным” вечным и предпринимают попытки ее преодоления. “Временный” означает здесь всякий раз то же, что сущий “во времени” <...>, время, в смысле “бытия во времени”, служит критерием раздела бытийных регионов»¹.

Духовное (внутреннее) будем рассматривать в комплексе проблем бытия, в отражении повседневности, как она преподносится современными авторами.

«Если бытие предстоит понимать из времени и различные модусы и дериваты бытия в их модификациях и ветвлениях действительно становятся понятны из рассмотрения времени, то с ним само бытие — не где-то лишь сущее как сущее “во времени” — делается видимым в своем “временном” характере. “Временное” однако не может тогда уже означать только “сущее во времени”. И “невременное” и “сверхвременное” в аспекте их бытия тоже “временны”»².

Исходя из вышесказанного, под литературной генерацией понимаем группу и отдельных представителей одного поколения, объединенных прежде всего общими временными рамками рождения, это значит общей эпохой, для которой характерны определенные социальные константы, знаковые события, шаблоны и стереотипы восприятия — которые и формируют идентичность данного поколения.

1.1.1 Шестидесятники

Самым ярким примером проявления поколенческой идентичности в прошлом веке были шестидесятники. Хотя это яркое явление русского искусства до сих пор остается не изученным — нет солидных исследований и анализа творчества шестидесятников, можно констатировать факт, что именно они подытожили весь опыт развития русской и советской литературы еще до того, как распался Советский Союз. В их творчестве — переоценка исторического опыта, однако в силу того, что их творческая деятельность пришлось на советское время, дальнейший путь литературы не мог быть ими ярко очерчен и обозначен. «Теплый гольфстрим шестидесятничества не смог отогреть российскую почву»³.

Шестидесятники — понятие довольно размытое.

«Волею судеб, стечением обстоятельств, набором и масштабом самих фактов и событий шестидесятники как поколение были буквально придавлены к необходимости стать самокритичными, готовыми к самоидентификации себя как некоей субкультуры»⁴.

Говоря о критерии квантитативном, нужно отметить, что в его установлении среди литературных критиков и искусствоведов нет единого мнения. Приводятся различные годы рождения — от 1915 до 1935.

К критериям, объясняющим “внутренний” базис, можно отнести следующие: как правило, шестидесятники — дети коммунистов. Родители многих из них сидели в лагерях. Считается, что большинство шестидесятников прошло войну с оружием в руках, и это стало отправной точкой для переосмысления и переоценки существующих норм

¹ Хайдеггер М. Бытие и время. – 1953. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.lib.ru/HEIDEGGER/bytie.txt>

² Там же

³ Радзиховский Л. Взрослые дети молодых людей. Шестидесятники и их наследники. Искусство кино. № 3, 2006. [Электронный ресурс]. – URL: <http://kinoart.ru/archive/2006/03/n3-article2>

⁴ Афанасьев Ю. Шестидесятники: итоги бездумного пути. Журнал «Гефтер», 2011.

и ценностей. Каждый из них пережил мировоззренческий кризис, обусловленный переоценкой эпохальных событий — сталинизм, Великая отечественная война и XX съезд КПСС (1956 г.). Часто шестидесятников называют «детьми XX съезда», именно это событие (доклад Хрущева) потрясло и перевернуло взгляд на существующую реальность. Поколенческая идентичность помогала шестидесятникам отличить «своих» среди своих. Следует отметить, что шестидесятничество, как своеобразное интеллигентское движение, имело место не только в СССР.

Л. Радзиховский пишет: *«Было тогда — в 50–70-е годы что-то такое в атмосфере Европы (и «европейской России»). В СССР — «дети XX съезда». Ну а «за границей» — дети неореализма. А «детский сад» у этих детей оказался общим — европейская культура протеста 60-х. Сексуальная революция, хиппи, битники, стилияги, рок, «джинсы протеста» <...>»¹*

Отношение к шестидесятникам в целом неоднозначно — от поклонения до полного низвержения. Л. Радзиховский пишет о русских шестидесятниках как о переходниках от совкового социализма к постсовковому капитализму, которые «не тянули» ни на золотой, ни на серебряный век русской культуры, т.е. переходники «из ниоткуда в никуда». Следует отметить, что без этих «переходников», без связующего звена, роль которого они играли, не состоялись бы многие культурные явления XX века, и тяжело представить какой бы была современность.

Соглашаясь с мнением Ю. Афанасьева, что *«на фоне поколений 30-х и 40-х –жутких и тяжелых предвоенных и военных лет мобилизационной активности и сверхчеловеческого перенапряжения, как это часто бывает в природе — после перевозбужденности, наступает период расслабления <...>»²*, невозможно согласиться со следующей трактовкой роли шестидесятников: *«имитация (деятельности) и неумение (помыслить и понять Россию) — ключевые <...> понятия для характеристики этого поколения. Закономерный инфантилизм шестидесятников проявился в их «поздней зрелости», в позднем взрослении. Ведь они все «заговорили» гораздо позже своих «отцов», погруженных в иные исторические обстоятельства. Пробудилась часть поколения, и то лишь к своему собственному сорока-пятидесятилетию (в лучшем случае). А до этого «зрело», набирало массу, накачивало мышцы и потихоньку избавлялось (хотелось бы надеяться) от инфантилизма»³.*

Разница между поколениями 30-х и 40-х годов и шестидесятниками — это своеобразный коммуникационный ступор, перелом, когда происходит архивация идентичности предыдущего поколения.

Шестидесятники впитали опыт литературной традиции начала XX века и в меньшей мере литературы предыдущей эпохи, однако на подсознательном уровне подвели итог, и в определенной степени повторили этап развития русской литературы, прошедший сто годами ранее. Противостояние поколений (спор с предыдущим поколением и отрицание его идеалов и норм) — закономерное явление, в котором проявляется стремление общества к обновлению. Оно характеризуется цикличностью, повторяется в каждой отдельной семье, в широком национальном контексте, и в каждой отдельной культуре.

Сравнивая развитие русской культурной мысли второй половины XIX и второй половины XX века, прослеживаем общие тенденции и элементы цикличности (вплоть до идентичных названий) во взглядах представителей разных эпох. Русская культура XIX века

¹ Радзиховский Л. Взрослые дети молодых людей. Шестидесятники и их наследники. Искусство кино. № 3, 2006. [Электронный ресурс]. – URL: <http://kinoart.ru/archive/2006/03/n3-article2>

² Афанасьев Ю. Шестидесятники: итоги бездумного пути. Журнал «Гефтер», 2011.

³ Там же

противопоставляет поколение *шестидесятников* поколению 80-х и 90-х годов (Амфитеатров, 1903, Сабурова, 2012), та же тенденция прослеживается в XX веке (Аксёнов, 2009, Афанасьев, 2011).

Как и предыдущие поколения писателей России, *шестидесятники* в значительной степени опирались на традиции *реализма* и *народности*, которые для XX века были определяющими показателями. Однако в XX веке эти понятия подверглись значительной трансформации. Первое в русской традиции расширило границы реализма и способствовало развитию новой ветви — реализма магического, а к концу века вычеркнуло из литературного арсенала реализм социалистический. Второе, как теоретическое понятие, практически вышло из употребления.

1.2.1 Эволюция понятия *народности*

Понятие *народности* литературы, широко обсуждаемое русской критикой XIX века, и еще не так давно бывшее одним из ключевых в советской критике, уступило свою позицию, и сегодня выступает в роли фона, на котором можем видеть тени той или иной ситуации. Однако никогда ранее русская литература не приближалась к теоретически обоснованному термину *народности* в такой степени, как это происходит сейчас.

Обращаясь к истории этого понятия, и перемещаясь в XIX век, отметим, что русское дворянство и русский народ были слишком далеки — между ними лежала пропасть. Писатели обращались к деревенской теме, тема эта была озвучена ими теоретически, но не прожита авторами на собственном опыте. Русская идилия Дельвига и других авторов 30-х годов переросла в литературу в обширную медитацию — размышление над тем, что есть русский национальный дух. Но это была лишь очередная тема для теоретических споров, наряду с популяризацией немецкой классической философии или пропагандой принципов французского романтизма, весьма популярных в русской культурной среде того времени. Идея значимости народных масс более выразительно прозвучала у Чернышевского.

1.2.2 В. Белинский о *народности*

Характеристику понятия *народности* находим в статье В. Белинского «Взгляд на русскую литературу 1846 года».

«Понятие о «действительности» совершенно ново; на «романтизм» прежде смотрели, как на альфу и омегу человеческой мудрости, и в нем одном искали решения всех вопросов; понятие о «народности» имело прежде исключительно литературное значение, без всякого приложения к жизни. Оно, если хотите, и теперь обращается преимущественно в сфере литературы; разница в том, что литература-то теперь сделалась эхом жизни. <...> В особенности вопрос о «народности» сделался всеобщим вопросом и проявился в двух крайностях. Одни смешали с народностью старинные обычаи, сохранившиеся теперь только в простонародьи, и не любят, чтобы при них говорили с неуважением о курной и грязной избе, о редьке, квасе, даже о сивухе; другие, сознавая потребность высшего национального начала и не находя его в действительности, хлопочут выдумать свое и неясно, намеками указывают нам на смирение, как на выражение русской национальности»¹.

Только оформившийся русский литературный язык, в то время находился под сильным влиянием французского. Французский был языком только высшего сословия. Представители русского дворянства с детских лет владели французским, чаще русский язык был вторым языком в языковом арсенале русского дворянина, крестьянский класс владел разговорной формой русского, а при богослужении должен был понимать церковнославянский.

¹ Белинский В. Взгляд на русскую литературу 1846 года. Статьи и рецензии. – М. – Московский рабочий. – 1971. С. 350–351.

Искания русской литературы в области народничества не имели под собой глубоких корней, русская критика проявляла стремление вырастить крону этого понятия на чужих корнях. В это время «младенец» — литературный язык проживает пору детства, активно заимствуя жанры, темы, лексику. В. Белинский, критикуя славянофилов, пишет: «*Россию нечего сравнивать со старыми государствами Европы, которых история шла диаметрально противоположно нашей и давно уже дала и цвет и плод. Без всякого сомнения, русскому легче усвоить себе взгляд француза, англичанина или немца, нежели мыслить самостоятельно, по-русски, потому что готовый взгляд, с которым равно легко знакомит его и наука и современная действительность, тогда как он в отношении к самому себе ещё загадка, потому что еще загадка для него значение и судьба его отечества, где все — зародыши, зачатки и ничего определенного, развившегося, сформировавшегося*»¹.

1.2.3 Народность и язык

Национальная литература напрямую связана с развитием национального языка, в ее развитии отображаются и языковые процессы. Русское высшее сословие второй половины XVIII — начала XIX вв. было двуязычным, этому способствовали:

1. петровские нововведения;
2. изучение иностранных и классических языков;
3. расширение традиций переводной литературы;
4. распространение печатных изданий;
5. заимствования из разных языков, связанные с развитием всех жизненных сфер;
6. выход французского языка на русскую почву как следствие европеизации русского быта в XVIII в.

Литературный язык в своем развитии придерживался двух основных направлений: опирался на народный разговорный язык, одновременно активно ориентировался на французский язык русских дворянских салонов, отражая стремление русской жизни ко всякого рода заимствованиям — культурным, этикетным, понятийным.

Русская классическая литература использовала французский язык с разными целями, иногда это только вкрапления в текст — отдельные слова или выражения, иногда отдельные произведения (стихи А. Пушкина), иногда на французском написаны целые главы в русском произведении (Л. Толстой «Война и мир»), записки в альбомах, личная переписка (А. Пушкин — П. Вяземский).

1.2.4 Народность как неотъемлемый элемент советской культуры

В советский период литературная критика активно использовала дежурную фразу: *творчество писателя глубоко народно*. Относительно этого периода уже нельзя говорить о неправомерности ее употребления, т. к. приблизиться к народу, выражать его интересы и чаяния — было одной из основных задач советской литературы. На каждом этапе своего развития любое понятие, в том числе народность, приобретает свои специфические оттенки. Происходит это и под влиянием социально-экономических и политических изменений. Народность советского периода условно можем обозначить как *народность советизированную (идеологизированную)*. Она в редких случаях связывала по прямой писателя и народ (или отдельного его представителя), она шла извилистым путем через партийную идеологию.

Высказывание М. Исаковского о поэтической форме можем использовать и для характеристики народности литературы.

¹ Белинский В. Взгляд на русскую литературу 1846 года. Статьи и рецензии. – М. – Московский рабочий. – 1971. С. 347.

«По моему глубочайшему убеждению, форму надо брать только такую, при помощи которой можно наиболее полно, наиболее ярко и точно выразить содержание. Форма должна быть в то же время и очень простой, доступной, если не для каждого, то во всяком случае для наибольшего количества читателей. Я бы даже сказал так: форма должна быть демократической, а не представлять из себя какую-то «аристократку», доступ к которой для простых смертных закрыт вообще»¹.

Тем не менее, и писатель — выходец из народной среды не мог идти прямой дорогой из своего дома в дом соседа, не употребив на этой короткой дороге комплиментарное уверение в адрес советского строя, заверяющее искренность его чувств. То есть, попросив «аристократку» уйти со сцены, советская литература создала подобный вездесущий образ «партии-матери», обращение к которой подразумевало комплиментарность официально-деловых отношений. Советизированная народность, как идейная посылка, состояла из нескольких слагаемых: опора на живой народный язык, создание народных образов (простого человека: крестьянина, рабочего), при этом подразумевалась как неотъемлемая черта — «окрашенность» вышеназванного советской идеологией. Существовавшая цензура и идеологические рамки являлись элементом сдерживающим и приводящим само понятие народности к асимметрии.

II. Свобода слова и свобода литературного языка

2.1. Освобождение литературы

Современная русская литература избавлена от советского стереотипа ориентации на заданные направления. Отсутствие цензуры не создает практически никаких ограничений. И наконец, именно *непредписанность* ориентира *сверху* способствует неосознанному выбору современной литературы «быть народной», при чем «народной» в разных направлениях: в значении доступной для разных социальных категорий, так и тематически — литература о богатых, литература для домохозяек, литература для интеллектуалов и т.д; вместе с тем «свободной» и в языковом плане — общее раскрепощение русского языка в конце XX — начале XXI веков незамедлительно наложило отпечаток и на язык литературы.

Постсоветский период в русской литературе замещает идеологический компонент новым — *эпатажем*. Эпатаж — явление многоаспектного характера, относящееся не только к литературе, обычно его характеризуют как поведение, намеренно нарушающее общепринятые правила.

*«Распад привычного образа мира в эпоху кризиса культуры влечет за собой массовую утрату идентификаций как на индивидуальном, так и на групповом уровнях, а также на уровне общества в целом. Фундаментальные перемены в XX веке привели к рождению общества творческих индивидуальностей, актуализации неадаптивной активности, как следствие — поиск оригинальности, что также нашло свое выражение в эпатирующем поведении»*².

Говоря об эпатажном поведении русской литературы, а конкретнее — языка современной русской литературы, проявляющемся в широком употреблении сленга, как закономерного отражения социальных изменений в обществе, «конфликтного» поведения в языке, говорим об иновации самой литературы.

¹ Исаковский М. Статьи о литературе. Собрание сочинений в 5 томах, т. 4. – М. – Художественная литература. – 1982. С. 37.

² Рогалева Е. А. Программа специального курса «Социокультурный феномен эпатажа. Эпатаж в политике». [Электронный ресурс]. – URL: http://www.nsu.ru/education/virtual/rogaleva_course.htm

2.2 Цикличность истории и внуки шестидесятников

Выбор поколения для анализа поколенческой идентичности в литературе из представленных в литературе XX века обусловлен несколькими обязательными условиями:

— представители поколения — это люди, родившиеся в СССР;

— представитель поколения должен владеть всеми базовыми знаниями истории государства не теоретически, а практически.

Проблема недопонимания между представителями различных поколений на постсоветском пространстве сегодня является реальностью, чаще ее осознают журналисты.

«Такие разные картины мира: поколение «40+» и поколение «30–».

Впервые я поняла, какая мировоззренческая пропасть пролегла между поколениями, в 2008-м году, когда началась война в Южной Осетии и наш телеканал организовал в Одессе масштабный телемарафон по сбору гуманитарной помощи пострадавшим жителям этой маленькой страны.

Одесситы старшего поколения (за 40 минимум) шли и шли — кто с деньгами, кто с иконами, кто с вещами, кто просто поддержать словами. За пять часов марафона — более 30 тысяч человек.

Мы же, кто помладше, судорожно изучали карту, пытаясь понять, кто нам эти «братские народы» и почему война «где-то там», где никто из нас никогда не был, так затронула наших родителей и дедов»¹.

Данная цитата наглядно свидетельствует, что опыт поколения, родившегося перед распадом СССР, в 80–90-е годы, для нашего анализа будет недостаточным, поэтому из нашего выбора это поколение будет исключено. У поколений возрастной категории «40+» и «30–» существует разница в понимании исторического прошлого и знании советских реалий, так же как существует разница между шестидесятниками и их предшественниками. Поколение «30–» не виновно в том, что в его сознании нет советских сентиментов, также как Поколение «40+» не виновно в том, что «войны не видело» (этот упрек был довольно частым в советское время при спорах представителей старшего и младшего поколений). Обвинять одно поколение в том, что на его долю достались те или иные события — значит обвинять человека в том, что он пришел на свет.

Поколение детей войны также не может входить в исследовательский интерес, т. к. идеология и воспитание подвигом создали предпосылки для определенного типа мышления и схематичной оценки происходящего. Значительная доля идеологической заангажированности мешает критичному подходу к оценке явлений.

Оптимальным видится поколение, родившееся с 1950 по 1970 год, которое образно можно назвать «поздними детьми» или «внуками шестидесятников». Они в полной мере впитали все тонкости советской системы, советской школой им была «внедрена» система советских идеалов (в данном случае не стоит вкладывать в это понятие только негативизм), вместе с тем само время уже диктовало другие условия, и это поколение имело возможность более критически относиться к тому, чему учили в школе. Таким образом, авторам, поколенческую идентичность которых будем рассматривать, сегодня в среднем около 45–65 лет (далее условно будем называть рассматриваемую категорию ПОКОЛЕНИЕМ «40+» или «П 40+»).

Любая классификация — всего лишь условность, есть люди, о которых говорят, что они родились раньше своего времени, есть люди со старомодными взглядами, также не вписывающиеся в рамки своего времени. Поэтому и в приведенном нами временном отрезке могут быть исключения из правил.

¹ Перевалова Н. Поколения разорванного времени и разорванной страны: сложности перевода. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.odnako.org/blogs/show_24163/. 27.02.2013

2.3 Поколения «40+» и «30–» — истоки и перспективы

Социализация человека в конкретном времени формирует его взгляд на жизнь и создает систему его ценностей, которая, в свою очередь, не совсем понятна ни предыдущему, ни последующему поколению — что является закономерным процессом развития общества.

ПОКОЛЕНИЕ «40+» и ПОКОЛЕНИЕ «30–» (далее «П 30–»), как было сказано, значительно отличаются по своей национальной, социальной и др. формам идентификации. То, что для «П 40+» очевидно и не требует доказательств, для «П 30–» нужно объяснять. В этом смысле объяснения требуют не только исторические факты, но и этические нормы, моральные принципы, в целом система ценностей ушедшего века. Именно поэтому много внимания было уделено понятию *народность*, которая для «П30–» уже не существует как теоретический постулат, но на нем было воспитано в советской школе «П 40+». Из этой разницы наличия/отсутствия понятия *народности* следуют очень интересные наблюдения. Когда *народность* как теоретическое понятие из критики практически исчезает, сама литература начинает практически приближаться к этому давно провозглашенному идеалу. Об этом свидетельствует язык современной литературы, не всегда нравящийся гурману-филологу. Насыщенность произведений сленгизмами и жаргоном на историческом переломе распада СССР сыграла и позитивную роль. Люди перестали читать, потому что нужно было заботиться о проблемах выживания, именно словесной шелухой и грязью литература привлекла к себе многих, потому что описывала понятные проблемы — зарабатывание денег любыми способами.

В независимых постсоветских государствах «П 30–» не изучало понятие *народность* в школе, и потому те основы, о которых говорилось выше, ему чужды и не понятны. С одной стороны, отсутствие у «П 30–» историко- и литературно-критической базы, на которую опирается «П 40+», с другой стороны — сознание «П 30–» не обременено идеологемами, на которых выросло «П 40+», что дает ему возможность творчески подходить к решению проблем, без шаблонного следования каким-либо стереотипам. Эта же «необремененность» «П 30–» в языковом плане также дает свои плоды, которые можно назвать временным, переходящими показателями. Вносимые ими языковые новшества не для всех пригодны, и со временем часть из них выходит из словарного запаса их носителей. Однако и этот показатель демократизации языка — показатель народности литературы, фиксирующей различные лексические инновации нашей эпохи.

Новейшая русская литература XXI века характеризуется отказом от традиционных для прошлого века стандартов в тематическом и языковом планах.

Соцреализм и масштабность событий уступили место *повседневности* (бытие + время). Старый избитый термин *народность* наполняется новым содержанием и приобретает новые формы выражения. Новейшая литература отходит от многоплановых картин изображения народного образа, различных типов народных характеров. Покинув скрепы советского мышления, литература показывает человека — маленького или большого, сильного или слабого. Прежде всего человека, а не гражданина — представителя социальной системы. Отрицая идеологию, современная литература, в отличие от советской, не призывает к подвигу (это обозначилось еще до распада СССР у В. Ерофеева: *Я бы согласился жить на земле вечно, если прежде мне показали бы уголок, где не всегда есть место подвигу*), а всего лишь показывает человека в его повседневной жизни.

III. Повседневность как мотив современной литературы

«Очередь может послужить метафорой для понимания многих вещей, которые с нами происходят, — например,

зависимость друг от друга и в то же время ненависть к впередистоящему, надежда на то, что он исчезнет и ты продвинешься вперед на один шаг; и в то же время выделение себя очередью из окружающего мира, «верность» ей и так далее»¹.

Мераб Мамардашвили

3.1 Повседневность как категория культуры

В «Лексиконе нонклассики» находим следующее определение *повседневности*:

«Одна из категорий ПОСТ-культуры <...>, которая достаточно часто связывается с современными арт-практиками. П. — характеристика обыденной рутинной части (большей по времени) жизни человека, которая в силу своей тривиальности, примитивной утилитарности, серой внесобытийности <...>, монотонности остается практически незамеченной самим человеком (и его окружением), протекает автоматически, как правило, не фиксируется сознанием. В истории искусства только в Новое время художники стали уделять внимание изображению П. наряду с нетривиальными событиями и явлениями»².

Интерес к исследованию философии повседневности наблюдаем в работах Р. Барта и М. Фуко, Н. Бахтина, Ю. Лотмана, М. Мамардашвили и др.

Повседневность, как современная литературная практика, обращается к деталям, утилитарное значение предметов и их частей часто перерастает в символы, сама же жизненная проза не всегда придерживается условия монотонности и ежедневной повторяемости, также, как непредсказуема сама жизнь, так же необычны могут быть описываемые события. При изучении *повседневности* нельзя воспринимать изучаемый объект как универсальную категорию, ибо нет ничего изменчивее, чем наша быстротекущая и поминутно изменяющаяся жизнь.

С точки зрения Бернхарда Вальденфельса, восстановление в правах повседневности *«в тройной форме просачивающейся, поднимающейся и сплавляющей рациональности, препятствует тому, чтобы повседневность сводилась лишь к повседневной жизни. Это не означает, что повседневность может заменить специфические формы деятельности или стать надежным фундаментом, на котором строится все остальное. Повседневность, понимаемая в такого рода процессах переплавления, действует, кроме того, как фермент, как закваска, которая позволяет чему-то зародиться. Но он пригоден для этого, пока сам остается подвижным»³.*

Проблема поколенческой идентичности связана с восприятием и преподнесением повседневности как элемента ПОСТ-культуры, несущей в себе элементы старого (советские шаблоны) и регистрирующей новое. Для нас интересно именно столкновение старого и нового.

3.2 «Утомленные стронцием»

Сборник «Утомленные стронцием», объединивший рассказы различных по стилю писателей, привлекает внимание прежде всего своим названием. Оно вызывает сразу несколько ассоциаций: с песней «Утомленное солнце» (1937 г.), прозвучавшей во многих хорошо известных советских кинофильмах («Сказка сказок», «Завтра была война», «Не мо-

¹ Мамардашвили М. Вильнюсские лекции по социальной философии. Лекция 5. – С. 120. [Электронный ресурс]. Официальный сайт Мераба Мамардашвили. – URL: <http://www.mamardashvili.com/published/azbooka/social.html>.

² Бычков В. В. Лексикон нонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века. – Российская политическая энциклопедия. – 2003.

³ Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности. Социо-Логос: Пер. с англ., нем., фр. – М. – Прогресс. – 1991. – С. 39–50.

жет быть», «До свидания, мальчики», «Распад»), одновременно ассоциируется с проблемой экологии. Стронций — символ экологических катастроф. Если для Украины, Беларуси и России — это прежде всего Чернобыль, то для Казахстана — это проблема военно-испытательных полигонов и комплекса «Байконур», это Аральский и Семипалатинский регионы, где разрушены естественные экосистемы, которые на сегодняшний день признаны зонами экологического бедствия. Это непрекращающиеся выбросы промышленных радиоактивных отходов, сотни полигонов хранения отходов, несущих угрозу загрязнения вод и разрушающих экосистему в целом.

«Утомленные солнцем» — название совместного российско-французского фильма Н. Михалкова (1994 г.), «Утомленное солнце» (1988 г.) — совместный фильм производства СССР — Северная Корея. Безусловно, можно выстраивать ряды других ассоциаций.

Авторский коллектив сборника — русские, родившиеся или волей судьбы оказавшиеся в Казахстане, выходцы из Усть-Каменогорска. Кроме двоих, журналиста А. Кратенко и звукорежиссера А. Крахина, все авторы в настоящее время проживают в России. Авторский коллектив представляет читателю необычайно пестрый набор образов: рокеры, хиппи, электрики, бухгалтеры, воры, дальнбойщики. Читателя окунают то в советское прошлое, то в современный Владимир, где творческая жизнь бьет ключом, то в беспросветность сегодняшней российской глубинки. В ракурсе — обычные люди, их радости, горести, глупости, заботы, проблемы глобальные и личные — *повседневность*.

Название сборнику дал одноименный рассказ Л. Кузнецова, в котором автор описывает безысходность решения экологических проблем. Л. Кузнецов лишь косвенно указывает на место описываемых событий (город У.), хотя читатель хоть немного знакомый с биографией авторов сборника, без труда идентифицирует Казахстан и город Усть-Каменогорск. Однако город У. можно воспринимать и как обобщенный образ города, которых немало на просторах бывшего СССР: «*Как эти взялись за экологию — так и отвянут, не в первый раз. Сколько было уже и криков и воплей — в городе У. Жуть висит вместо воздуха*»¹.

Население города У. делится на две категории: полигонные (понаехавшие) и заводские, им давно не по собственной воле предназначено «светить и никаких гвоздей». «*Полигонные — потомственные бухарики. Кто-то тогда, тридцать лет назад, еще перед мутацией генов, пустил в народ байку, что от радиации одно спасение — принять внутрь беленькой вдоволь, без ограничения нормы*»².

Заводским пришлось сложнее, чем полигонным, «*кроме радиации еще и металлы цветные в воздухе висели. Стронций, ниобий, свинец... Хлор, конечно еще сера во всех видах. Ученые помогли.<...> Таблеток дали. Красненьких таких. После еды по две штуки*»³.

Три слагаемых неразрывно связаны в рассказе между собой: стронций (в широком понимании экологического загрязнения) — алкоголь (мнимое решение проблемы) — осознание безысходности (ожидание мирового вмешательства в проблему — отсутствие заинтересованности со стороны собственного государства).

Рассказу Л. Кузнецова «Утомленные стронцием» тематически близок «Свинцовый цирюльник» А. Кратенко, который от стилистически спокойной тональности смирения и безысходности предыдущего рассказа отличает горький сарказм и аллегория. Проблема экологии окружающей среды и человеческого сознания подается в форме легкой фантазмагии. События происходят в г. Мочегорске. В рассказе, наряду с большим количеством

¹ Кузнецов Л. Утомленные стронцием. // Есаулов А., Кратенко А., Крахин А., Кузнецов Л., Миляев С., Русских Е. Утомленные стронцием. – М. – Дикси Пресс. – 2011. – С. 138.

² Там же, С. 138.

³ Там же, С. 139.

советского материала (лозунговость, «отпечатки» элементов производственного романа), присутствуют классические традиции, гоголевско-ильфо-петровские мотивы: гиперболизация и аллегоричность.

«Местные рудники опустошены тридцать лет назад. Поначалу возили руду из Нахичевани, но теперь и там пусто. Северным морским путем привезли сырье из Мурманска. Но в шторм баржи сбили с пути и застряли возле Курил. Потом нам навязали эфиопов, и они отправили нам три каравана верблюдов с десятью тоннами руды. На прошлой неделе пришла телеграмма из Могилева: 76 верблюдов пали, в пути только семь.

— *Гоните назад!* — *скомандовал мэр.*

— *А как же свинец? У нас план!*

— *За план отвечаю я. Свинец будем плавить из волос. С брюнетов — себе, с блондинов — на экспорт...»¹.*

Последнее предложение отбрасывает нас в хорошо знакомое советское время, когда СССР стремился показать Западу все самое лучшее, создать себе позитивный имидж любой ценой, в убыток своему народу (*с брюнетов — себе, с блондинов — на экспорт*). Как и в предыдущем рассказе, присутствует алкогольная тема.

«Спиртное в Мочегорске продавали в магазине возле вышки. Когда водку стали менять на волосы, вышка закачалась от народного натиска»².

Советская идейность совмещается в фантастическом рассказе с бытовыми проблемами.

«Главным для нас остается свинец <...> — предпосылка нашей духовно насыщенной жизни. Нужна глубокая перестройка жизни. На первый план выдвигается человеческий фактор. Сила личного примера. Собственная бритая голова сегодня работает лучше любого лозунга. <...> начинать нужно с себя! Даешь свинцовый волос!»³

Юмористический подход наблюдаем у А. Кратенко к презентации «каннибальской сущности советской армии». Рассказ насыщен духом советского времени: *«По «Маяку» неистово славили любовь, комсомол и весну»*. Автор с юмором описывает как солдаты собирают коллекцию высказываний своего командира. Каждое высказывание отражает античеловеческий смысл восприятия человека за казарменными воротами.

— *Товарищ подполковник, можно искупаться? Вон люди купаются.*

— *Запомните, товарищи, теперь вы не люди, вы — курсанты⁴.*

«... курсант должен выглядеть, как гитара новая: струны натянуты, вид чистый и играет приятно. <...> Ходить в нечищенных сапогах — это преступление, поэтому, если не успеваешь чистить сапоги утром, чистить вечером, а утром проснулся, надел сапоги на свежую голову, встал в строй и замер»⁵.

«Товарищи курсанты, берегите головы. Можете заработать мененгит, а это болезнь страшная. От нее либо умирают, либо становятся дураками. Мы с братом болели в детстве. Брат умер, а я, как видите, жив...»⁶.

¹ Кратенко А. Свинцовый цирюльник. // Есаулов А., Кратенко А., Крахин А., Кузнецов Л., Миляев С., Русских Е. Утомленные стронцием. – М. – Дикси Пресс. – 2011. – С. 67.

² Там же, С. 69.

³ Там же, С. 73.

⁴ Кратенко А. Мой белый флаг. // Есаулов А., Кратенко А., Крахин А., Кузнецов Л., Миляев С., Русских Е. Утомленные стронцием. – М. – Дикси Пресс. – 2011. – С. 59.

⁵ Там же, С. 62.

⁶ Там же, Кратенко А. Мой белый флаг. С. 63.

Авторское Я местами проступает философскими мыслями и безоценочной констатацией абсурдности ситуации, которую простому солдату изменить не под силу. Безысходность армейского подчинения автор решает внутренней эмиграцией. Внешне исполняющий свои воинские обязанности (по-своему), внутренне абсорбирует мировой опыт западной литературы, герои которой в подобной ситуации нашли свой способ выражения протеста.

«БЕЛЫЙ ФЛАГ, лучший флаг в этом буйно разноцветном мире. В компании со мной двое влюбленных (из романа Ремарка), которые однажды водрузили белые женские трусики на черный обелиск погибшего генерала. Спасибо, ребята...»¹.

Ностальгическая тема школы звучит в рассказе А. Крахина «Чемпион». Это прочувствованное повествование, заставляющее задуматься над тем, как изменилось за последнюю половину столетия отношение полов, как изменились представления о этике и восприятии того, что такое стыд.

«Мы ведь были первым послевоенным поколением, которые пошли в школу после отмены раздельного обучения. Наши старшие братья и сестры учились в мужских и женских семилетках. Для мальчишек этого поколения женщина, девушка — святыня и тайна, объект обожания и поклонения. Это если с пацана содрать защитную корку показного цинизма и хвастливой бравады»².

Его же рассказ «Вчера» окунает в более позднее, переломное время, когда прожить на зарплату было невозможно, и каждый искал дополнительный заработок. Главный герой — преподаватель вуза, одновременно подрабатывающий в ресторане.

В элегантно-спокойной форме автор преподносит ситуацию между молотом и наковальней, используя при этом в качестве завязки фразу: «Ну точно не мой день», дважды усиливает значение происходящего тем же вопросом: «Ну и почему мне кажется, что это мой последний день в институте?»; «И отчего мне кажется, что это мой последний вечер в ресторане?».

«В общем есть сведения, что по вечерам вы подрабатываете в ресторане музыкантом. И поете там. А это недостойно высокого звания преподавателя английского языка и литературы!»³. Горько звучит правомерный вопрос «А достойно платить гроши тем, кто делает учителей?» Рассказ без традиционного конца, однако описанный конец читатель предвидит уже с самого начала.

Лиричные и сентиментальные воспоминания, каждому представителю «П 40+» хорошо знакомые ощущения найдем у Л. Кузнецова: *«Перебираю фото в старом альбоме. В закрепителе мало подержал — посерели, как прошлогодние листья. Я, как эти фотографии, тоже посерел»⁴.* Трогательные описания — воспоминания о матери, запахе оладушек, и о воспитании.

Звучит и обычная для русского контекста тема алкоголя в его неограниченном философском измерении: *«Дед не тот стал. Но одной нам все равно мало. Странная арифметика, как в анекдоте — одной мало, двух много, три — в самый раз»⁵.*

¹ Кратенко А. Мой белый флаг. // Есаулов А., Кратенко А., Крахин А., Кузнецов Л., Миляев С., Русских Е. Утомленные стронцием. – М. – Дикси Пресс. – 2011. С. 66.

² Крахин А. Чемпион. // Есаулов А., Кратенко А., Крахин А., Кузнецов Л., Миляев С., Русских Е. Утомленные стронцием. – М. – Дикси Пресс. – 2011. – С. 98.

³ Крахин А. Вчера. // Есаулов А., Кратенко А., Крахин А., Кузнецов Л., Миляев С., Русских Е. Утомленные стронцием. – М. – Дикси Пресс. – 2011. – С. 91.

⁴ Кузнецов Л. Транзит. // Есаулов А., Кратенко А., Крахин А., Кузнецов Л., Миляев С., Русских Е. Утомленные стронцием. – М. – Дикси Пресс. – 2011. – С. 147.

⁵ Кузнецов Л. Тесть. // Есаулов А., Кратенко А., Крахин А., Кузнецов Л., Миляев С., Русских Е. Утомленные стронцием. – М. – Дикси Пресс. – 2011. – С. 161.

Эхо алкогольной темы отзывается в рассказах почти всех без исключения авторов данного сборника. В рассказе С. Миляева речь идет о непьющем сантехнике. Социальная оценка такого явления в российском восприятии негативна, такого человека никто не воспринимает как нормального. Алкоголь воспринимается как лекарство, противоядие, не только от экологических проблем (как это было представлено у Л. Кузнецова и А. Кратенко), но и от социальных потрясений.

— Я не пью, бабушка, совсем.

— Ой, гляди-ка! — взгляделась старушка в свое отражение в очках хамелеонах. — Ну что климат теплеет! Русскому мужику да не пить? А боль головную от правительства и других дураков чем лечить? Цитрамоном¹?

Представленные в сборнике темы имеют объединяющий элемент — **экология в ее широком спектре**: экология страны (как часть общей экосистемы Земли), экология нации (проблема пьянства), экология души и человеческих отношений.

После прочтения сборника всплывают картины И. Глазунова «Сто веков», «Вечная Россия», «Рынок нашей демократии», «Великий эксперимент», «Мистерия XX века», масштабность которых не всем по вкусу, однако коллаж, сложившийся смешением времен, стилей, лиц как нельзя лучше передает дух советского времени. Эта же художественная фиксация многослойности и многомерности мира и его отражения представлена в сборнике «Утомленные стронцием». Многообразие авторских образов и средств — отражение амбиций и стремление к **внутренней свободе**. И этот аспект можно назвать вторым значительным компонентом, который объединяет авторов сборника.

3.3 Ирэн Роздобудько (1962, Донецк)

*«Життя не має смаку, в чистому вигляді воно — як дистильована вода.
Ми самі додаємо у нього солі, перцю чи цукру.
Коли життя набуває смаку — серце болить сильніше».*

И. Роздобудько «Гудзик»

Ирэн Роздобудько — яркая представительница современной украинской литературы. Ее имя в десятке самых успешных писателей Украины. Ее стиль — многостильность (детективность, психологизм, трагикомизм, мистика, сатира), ее время — кокон с параллельными жизнями, в котором можно перемещаться из прошлого в настоящее.

На первый взгляд, названия книг «Мерці», «Ескорт у смерть», «Останній діамант міледі», «Зів'ялі квіти викидають», «Пастка для Жар-Птиці» заставляют думать, что перед нами легкое чтение, попсовая литература или то, что принято называть неопределенным полутермином *женская литература*, или *литература для женщин*.

В процессе внешней легкости восприятия текста читатель находит множество подтекстов, разматывает клубок, в котором в одну нить вплетено множество других нитей разного качества, цвета, из распущенных в разное время старых вещей — эти остатки связывают настоящее с прошлым, показывая, что и старое бывает полезным.

Роман «Якби» — в переводе на русский — *если бы*, вполне можно отнести к традиции магического реализма. В нем — переход из одного времени в другое и обратно, в нем аллюзии на булгаковскую Маргариту и «Алису в стране чудес», в нем современность и советское детство героини слились воедино. Основным мотивом романа «Якби» (так же имеет место в «Ранковому прибиральнику» и «Зів'ялих квітах...») является лозунг — *жизнь одна, она коротка, конец — един для всех, а потому — живите, и не приспосабливайтесь*.

¹ Миляев С. Бес Серебренников. // Есаулов А., Кратенко А., Крахин А., Кузнецов Л., Миляев С., Русских Е. Утомленные стронцием. — М. — Дикси Пресс. — 2011. — С. 213.

Путешествие в детство для главной героини романа Ники стало откровением. Ника взрослая встретила сама с собой — маленькой Никой. Это встреча современной женщины, успевшей привыкнуть к достатку, с советской реальностью, которая с ее дефицитами и отсутствием самых обычных товаров оказалась давно стертой повзрослевшей памятью. В ряду детских воспоминаний и символов, которые связывают взрослую героиню с ее детством — троллейбус, двор, дерево, двери со старой обивкой, комната, месяц (о котором каждый вечер перед сном думает маленькая Ника) и солнце, лучам которого радуется просыпаясь. Семиосфера детства дополнена бытовой советской атрибутикой, а также обременена проблемой смерти Ярика — друга детства, соседа по площадке, и вопросом, на который большая Ника ищет ответ в своем детстве, переместившись туда на несколько дней (точнее ночей). В целом переход (переезд на обычном городском троллейбусе) из одного времени в другое, осознание того, как поменялся мир за не очень большой срок — лоскутки волшебной аппликации, которую можно рассматривать с двух сторон. При внешней легкости восприятия текста на поверхность постоянно всплывают глубокие корни подсознания. Автор своеобразно преподносит тему любви. Ностальгически сентиментальна, в то же время отважна главная героиня при выборе своего Мужчины. Мистический и магический аспект текста подчеркивают и такие символы как *дождь, зонт, четверг*. Главный мотив, звучащий в романе — **быть свободной**, свободной от принятых условностей.

3.4 Алена Браво (1966, Борисов)

*Мы самі, застаючыся — пажыціцёва! — тым Пецей альбо Кацяй з дзіцячага садка,
лепім на борціку пясочніцы аднолькава брыдкія серыйныя “піражкі”,
а формачку, з якой лепім, нам калісьці гвалтам уклалі ў руку:
“Гуляй тут! Нікуды не адыходзь!” — вось мы і лепім, лепім,
ую зямлю сваімі пачварнымі вырабамі ўжо запаланілі
і не падазраём, што можна гуляць зусім па-іншаму:
выкінуўшы прэч абрыдлую ідыёцкую формачку,
свабодна і радасна.*

А. Браво

Алена Браво — представительница современной литературы Беларуси. Ее прозу называют постмодернистской, сама же Браво свои произведения считает реалистичными, исследующими социальные проблемы. По ее мнению, ирония, гротеск, цитирование — всего лишь вспомогательные элементы. Для национальной литературы тематика, к которой она обращается — экзотика в нескольких направлениях одновременно. Кубинская тема возникла благодаря личному опыту, в 1989 году вместе с мужем-кубинцем и дочерью Браво уехала на Кубу. Описание повседневности «совкубинки» — советской жены кубинца, пережитое на острове Свободы, легло в основу повести «Комендантский час для ласточек» (бел. оригинал «Каменданцкі час для ластавак»). Во время перестройки власти СССР отказались материально поддерживать Кубу, Фидель Кастро предпринял ответный шаг — объявил в стране «особый период». Описание Кубы у Браво сильно отличается от описаний в путевых заметках туристов. В одном из интервью А. Браво отметила, что видела все изнутри, стояла в очередях за нормированными продуктами, водила дочку в местную поликлинику. Но если бы пыталась передать лишь экзотический колорит, то «Каменданцкі час...» мало чем отличался бы от записок путешественника.

Повседневность, в сравнении с предыдущими авторами, у Браво более грубая, в нее включен отягощающий элемент «чужой» культуры, которую автор стремится постигнуть. Однако в ней слишком много общего с более застойным, ранним советским периодом истории, который героине уже давно набил оскомину, но не позволяет абстрагироваться от навязчивых мыслей.

«Я шпацыравала па вуліцах рэвалюцыйнае Гаваны, шырока раскрытымі вачыма пазірала на аварыйныя «ролс-ройсы» без шкла і дзверцаў, на апранутых у вульгарна-яркія крымпленавыя штаны і такія ж кашулі азызлых кубінак з бігудзі на галаве, на дзяцей, нягледзячы на спапяляющую спякоту, абутых у чорныя, мілітарысцкага тыпу чаравікі мясцовай вытворчасці, і ўва мне расло пачуццё нерэальнасці ўсяго гэтага, — нібыта мы, штодзень пераводзячы гадзіннік назад у нашым плаванні па Атлантыцы, нейкім непяпраўным чынам зрушылі час, сталёвы вінт “Тараса” скамечыў кволяя косткі стрэлак, звар’яцелыя орды даўно адышоўшых у небыццё дзён узялі цыферблат штурмам, Зямля дала зваротны ход, — і мяне нейкім ветрам занесла ў каланіяльную дзірку на досвітку навукова-тэхнічнай эры»¹.

Идеологию она описывает, как маску, которую начала на себе ощущать, как невидимую плеву, в которую герметично упаковано все.

В отличие от произведений предыдущих рассмотренных нами авторов, в тексте Браво включается ментальный компонент, размышления о том, что каждый благодаря месту своего рождения генетически предрасположен к определенному восприятию мира. И даже муж и жена (о которых в славянском контексте говорят — *одна сатана*) видят мир по-разному. Главная героиня — беларуска, ее муж — кубинец.

«Бачыць адзін і той жа пейзаж мы, каханы, асуджаны з табой па-рознаму, як былі асуджаны па-рознаму вымаўляць гукі, вітацца з сябрамі, гатаваць снаданне і вячэру, выказваць радасць і адчай, і тыя словы пяшчоты, якія мы шапталі адно аднаму, з галавой выдавалі нашу чужароднасць. Мы былі замураваныя кожны сам у сябе, як твой сын — у сваё маленства, як гук — у спіральныя выгібы ракавіны»².

Автор проводит многочисленные параллели жизни в СССР и на Кубе, многое из описаний потрясает абсолютной идентичностью: кубинцы, как и советские граждане, слушали американские радиостанции, и также боялись, чтобы соседи не донесли.

Наряду с совершенно одинаковыми проблемами, автор приводит много культурологического материала, описывает детали, приподнимающие тайную завесу в мир внутренней самости кубинцев: женщины целый день свободно ходят по улицам в бигудях, готовясь быть привлекательными к вечеру; понятие муж на Кубе весьма своеобразное: сегодня он твой, а завтра — соседки; главные темы повседневных бесед в очередях, на улицах — кто, как, с кем. Кубу Браво называет страной перманентно возбужденной плоти.

Описывая несоответствие детской жизнерадостности кубинцев с их фанатической готовностью к смерти ради мертвой схемы, автор говорит, что о смерти на Кубе помнят постоянно, и именно в политическом контексте: огромные лозунги, висящие на улицах, гласят: “¡SOCIALISMO O MUERTE!” (социализм или смерть!). Вспоминая советский опыт и лозунги, можем отметить, что советская идеологическая машина не призывала к смерти ради построения коммунизма, она ставила иную цель — труд (Мир — труд — май; Давай качество!; Пятилетку выполним в 4 года!; Каждый труд нужен; Хорошо трудится — хлеб уродится; Полевые работы не ждут!; Рано утром просыпайся — на работу собирайся!)

А. Браво подчеркивает мужественность и выносливость женщины, родившейся в СССР: женщины — ласточки, они лепят свои гнезда и рожают в горах Сьера-Маэстро, и рядом с американской военной базой Гуантанама, под пальмовыми крышами закоулков Баямы. Однако само название произведения говорит, что терпение не бесконечно, коммандантский час — преходящее явление.

В отличие от героини Роздобудько, героиня Браво перемещается в пространстве, но парадокс в том, что оставаясь в том же времени, она оказывается в эпохе, которую уже давно прожила.

¹ Брова А. Каманданцкі час для ластавак. – Менск. – Мастоцкая літаратура. – 2004. – С. 15.

² Там же, С. 3.

Заклучение

Рассмотренный нами аспект отражения поколенческой идентичности в литературе — лишь первый шаг в изучении данной темы. Безусловно, каждый читатель и критик при анализе художественного произведения привносит долю субъективности, в т. ч. субъективности поколенческой. Поэтому взгляды на одни и те же явления могут кардинально отличаться.

Представители литературного поколения, родившегося в период с 1950 по 1970 гг. или «П 40+», которое мы условно назвали «внуками шестидесятников», основываются на общих корнях, «вырастают» из подобных социальных и художественных идеалов. Их всех объединяет общее стремление к свободе — это один из основных мотивов (хотя у каждого она своя), они видят негативные стороны советского строя, но в отличие от «П 30–», не отрицают его положительные моменты.

Нужно обратить внимание на еще один чрезвычайно важный вид идентичности, формированию которого в СССР уделялось много внимания — *идентичности коллективистской*. Этот разряд у рассмотренных авторов отсутствует. Интересно то, что у «П 40+» выработана стойкая формула коллективной помощи (2.2), однако коллектив, в который идеология пыталась загнать советского человека, сработала как прививка от заражения всеобщим коллективизмом. Жизненный лозунг И. Роздобудько — *«Життя — одне, воно — коротке, кінець — єдиний для всіх. А тому — живіть, а не пристосовуйтесь. І — думайте, що і навіщо ви робите»*. Свято хранит свое право на внутреннюю свободу героиня произведения А. Браво, она говорит, что каждый человек хозяин своей судьбы: *«Мы самі носім у сабе свой ГУЛАГ і Асвенцим (так-так, дзяўчаткі мае, Волечка, Ірына — вы пра тое ўжо здагадаліся?), і ўсё тое, што ствараем вакол сябе, ёсць толькі іх праекцыі»*. То же прочитывается у А. Кратенко: *«с детства не переношу то, что включает в себя понятие коллектив. Как Иосиф Бродский, стараюсь жить приватным образом, сам по себе, на отшибе. Даже в армии»*¹.

Советская и досоветская литература была литературой, созданной мужчиной, мужчина был ее автором, мужчина был творцом женского образа и женского мышления, он диктовал свой взгляд на жизнь. Единичные примеры авторов-женщин вряд ли составят один процент от общего количества писателей досоветского и советского времени.

Мы не делим литературу на женскую и мужскую, лишь подчеркиваем факт, что в настоящее время в наличии литература, созданная женщинами, и литература, созданная мужчинами. Эти две составляющие делают ее более многослойной, расширяют рамки и возможности, дополняют уже существующий мужской взгляд.

Распад СССР приносит множество женских имен. Литература перестает быть чисто мужской прерогативой и преподносит весьма различную по качеству литературную продукцию и значительно отличающиеся женские взгляды на мир. Для «П 30–» наличие литературы, написанной женщинами, является нормой, для «П 40+» — новшеством.

Более развитой в гендерном аспекте среди восточнославянских литератур является украинская (Люко Дашвар 1954 г. р., Наталка Белоцерковец 1954 г. р., Евгения Кононенко, 1959 г. р.), среди младшего «П 30–», но уверенно вошедшего в литературу поколения, занимающегося исследованием женской души — Светлана Поваляева (1974 г. р.), Лариса Денисенко (1973 г. р.), Ирена Карпа (1980 г. р.), Таня Малярчук (1983 г. р.) и др.

¹ Кратенко А. Мой белый флаг. // Есаулов А., Кратенко А., Крахин А., Кузнецов Л., Миляев С., Русских Е. Утомленные стронцием. – М. – Дикси Пресс. – 2011. – С. 66.

Несмотря на большее количество авторов-женщин в украинской литературе и более широкую презентацию в ней женских образов, их восприятие также дает примеры значительных отличий. Примером неадекватности восприятия может послужить декодирование семиотического знака в творчестве украинской писательницы, представительницы «П 40+» Марии Матиос (1959 г.р.). «Одни называют ее второй Лесей Украинкой, другие — Стефаником в юбке, третьи сравнивают с Акулиным»¹. Сравнение обелиска на Могиле Неизвестного солдата в Киеве с «фаллосом» в одном из произведений М. Матиос вызвало скандал и попытку возбудить против нее уголовное дело. Неоднозначно воспринимается и творчество Оксаны Забужко, по той причине, что развивает тематическую инновацию — тема секса вызывает много различных эмоций. Хотя авторами новой литературы являются представительницы «П 40+», это же поколение их читателей (ниц) не всегда готово к восприятию трактовки женского мышления.

В основе художественной программы литературного «П 40+» лежит *повседневность*. Одним из больных вопросов повседневности является *экология* (экосистема Земли), у И. Роздобудько и А. Браво — экосистема национального языка, и в целом — экология души — общая болевая точка и источник творческого вдохновения. Трещина между эпохами, «переступив» которую каждый из авторов приобрел собственный опыт, разочаровавшись и переоценив традиционные для советской эпохи ценности. Ирония и здоровый скептицизм — как здоровая реакция на перенасыщенность пафосом советской эпохи помогает трезво смотреть на происходящее. Одновременно этот опыт противопоставляет представителей «П 40+» младшему «П 30–».

Можно утверждать, что в их поколенческом сознании остался императив справедливости, который в советское время был замешан на идеологии, теперь на смену идеологии в русском контексте в него вошла православная идея с семиотикой соборности. Советская идентичность десятилетиями планомерно внедрялась посредством общей школьной системы, службы в советской армии, при получении высшего образования, основанного на русском языке. Национальные языки отошли на второй план, ибо через призму языка, полученного при обучении, человек смотрит на мир. В рассмотренных нами примерах мы не заостряли внимание на языковой проблеме Беларуси и Украины, но факт, что оба представленных автора пишут на своих родных языках, свидетельствует о смещении от идентичности советской к идентичности национальной.

В целом контексте проблематичности определения возраста людей, которых можно отнести к одному поколению, нужно отметить факт, что поколение — это не столько категория хронологическая, сколько способ восприятия действительности. Это общее самовыражение жизненного стиля, ценностей, символов и способов репрезентации, которые вызывают взаимную эмпатию при встрече и подсознательно идентифицируют человека как своего. Поколенческая идентичность — это не субкультура, представителям которой необходимо встречаться для обсуждения каких-либо вопросов, это духовная общность, обладающая потенциалом в определенных ситуациях объединить свои усилия.

Список литературы:

1. Амфитеатров А. В. О неудачномъ поколѣніи. Житейская накипь. СПб. — Товарищество «Общественная польза» — 1903, С. 47.

¹ Солодченко И. Драммы на фоне истории (о творчестве М. Матиос). Киевский телеграф. № 52, 2009.

2. Антонова Н. В. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии. // Вопросы психологии. № 1. — М. — «Школа-Пресс». — 1996. С. 31–143.
3. Аксенов В. Таинственная страсть. Роман о шестидесятниках. — М. — 2009.
4. Афанасьев Ю. Шестидесятники: итоги бездумного пути. — Журнал «Гэфтер» — 2011.
5. Белинский В. Взгляд на русскую литературу 1846 года. Статьи и рецензии. — М. — Московский рабочий. — 1971.
6. Брава А. Каменданцкі час для ластавак. — Менск. — Мастацкая літаратура. — 2004.
7. Бычков В. В. Лексикон нонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века. — Российская политическая энциклопедия. — 2003.
8. Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // Социология. Социология. Антропология. Метафизика / Сост., общ. ред. и предисл. В. В. Винокурова, А. Ф. Филиппова. — М. — 1991. — С. 40–41. Доступно: [Электронный ресурс] Энциклопедия культур. — URL: <http://ec-dejavu.ru/d/Daily.html>.
9. Ганева Е. И. Проблемная социальная идентичность: сущность и условия формирования. // Социология и социальная работа. Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия Социальные науки. — 2008, № 1 (9), С. 39–45
10. Есаулов А., Кратенко А., Крахин А., Кузнецов Л., Миляев С., Русских Е. Утомленные стронцием. — М. — Дикси Пресс. — 2011.
11. Демьянков В. З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца 20 века. — М. — Институт языкознания РАН. — 1995.
12. Исаковский М. Статьи о литературе. Собрание сочинений в 5 томах, т. 4. — М. — Художественная литература. — 1982.
13. Кристева Ю. От одной идентичности к другой. От Я к Другому. — Минск — 1997. Перевод с фр. Князевой Е. М.: J. Kristeva. From One Identity to an other // Desire in language. — New York: Columbia University Press. — 1980. pp. 124–147.
14. Кром М. М. Повседневность как предмет исторического исследования (вместо предисловия)
15. Мамардашвили М. Вильнюсские лекции по социальной философии. Лекция 5. — С. 120. [Электронный ресурс]. Официальный сайт Мераба Мамардашвили. — URL: <http://www.mamardashvili.com/published/azbooka/social.html>.
16. Микляева А. В., Румянцева П. В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования: Монография. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена. — 2008.
17. Рогалева Е. Программа специального курса «Социокультурный феномен эпатажа. Эпатаж в политике». [Электронный ресурс]. — URL: http://www.nsu.ru/education/virtual/rogaleva_course.htm
18. Перевалова Н. Поколения разорванного времени и разорванной страны: сложности перевода. [Электронный ресурс]. — URL: http://www.odnako.org/blogs/show_24163/
19. 27.02.2013
20. Радзиховский Л. Взрослые дети молодых людей. Шестидесятники и их наследники. Искусство кино. № 3, 2006. [Электронный ресурс]. — URL: <http://kinoart.ru/archive/2006/03/n3-article2>
21. Роздобудько І. Якби. — Харків. — Клуб сімейного дозвілля. — 2012.
22. Сабурова Т. Коллективная автобиография: 'поколение 1880-х' в воспоминаниях и переписке А. В. Амфитеатрова. [Электронный ресурс] Avtobiografija № 1, 2012, С. 145–165. — URL: <http://www.padovauniversitypress.it/riviste/avtobiografija/sites/all/attachments/papers/01-2012-09-Saburova.pdf>

23. Солодченко И. Драммы на фоне истории (о творчестве М. Матиос). — Киевский телеграф. № 52. — 2009.
24. Уралов С. Почему Россия не СССР. К архивации советской идентичности. [Электронный ресурс]. — URL: http://www.odnako.org/blogs/show_24211/
25. Хайдеггер М. Бытие и время. — 1953. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.lib.ru/HEIDEGGER/bytie.txt>
26. Социальная идентичность: Способы концептуализации и измерения (Материалы научно-практического семинара. 16–19 октября 2003 г., с. Новомихайловское)/Отв. ред. О. А. Оберемко, Л. Н. Ожигова. Кубанский госуниверситет; Ин-т социологии РАН. Краснодар: КубГУ, 2004. 303 с. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=688>
27. Mannheim K. Problém generací. Překl. D. Blahutková: K. Mannheim 1964. Wissenssoziologie: Auswahl aus dem Werk. Berlin: Luchterhand, s. 509–565. — Sociální studia. 1–2, 2007. S. 11–44.
28. Corsten M. Čas generací. Překl. J. Navrátilová: Corsten, M. 1999. Time of Generations. — Time & Society, 8 (2): 249–272. — Sociální studia, 1–2/2007. S. 45–65.
29. Marada R. Paměť, trauma, generace. — Sociální studia. 1–2/2007. S. 79–95.

Lipatova Yulia Yurievna
Associate Professor, PhD, Kazan State Medical University,
Department of Foreign Languages.

Lacunarnost: general definitions and approaches to study

In modern conditions of language developments, mutual enrichment of culture questions, connected with comparable linguistics in the middle of XIX th. Century (E. Birjakova, L. Voinova, L. Kutina, V. Vinogradov, A. Sorokin, S. Belyaeva.), at present actualise, that scientists-contactologists say about predominated influence of English language over other language research evokes undoubtless interest. Interaction of lexical Russian and English languages fund, which began from language systems including Russian. In connection with this diachronical comparable studing the means of reality nomination in such typically different languages as English and Russian. Nowadays in the centre of scientists there is a research of national language specification, which finds reflection in typical means of expression identical objects of reality in existence of grammatical forms and categories. One of the display of such lexical specification is existence of lacunas. Language originality manifests, that every nation articulates and nominates reality differently. According to just remark of V. Gak, “nominated object posseses endless amount of signs, elements. relations between them”. Person, generalising phenomenas and single out relevant signs, gives nominations to any segment of reality. However, nominative function is used when it is important to know for the nation and society, besides, equal signs are not always chosen into the base of nomination. So segments of reality and subjects, unnominated in the concrete language are not essential and latent. Such gaps in the picture of the world are easily discovered in comparability of languages in diachronical analysis.

Many conceptions are common to all mankind, although embodied into different verbal form. However, specific notions exist, which reflects realies, they carry national character and maturialise in such nonequivalental lexics. All notional system are based on nomination system. A person, generalising phenomenas and single out relevant signs, gives nominations to any segments of realities. However, nominational function is used differently, as we say above, we nominate only what functionally important for this nation. So segments of reality and unnominated subjects in this language. These gaps in lexico-semantic world picture are pointed out in comparability of languages.

Lacunas are connected with means of reality nomination. There are two approaches to study lacunas in linguistics. The first is determined by functional cryteria the importance of nomination the segment of reality, phenomena, characteristics. Functional or cognitive approach is connected with such factors as cognition of reality, discharge of relevant signs, phenomenas, significance and spreading subject or phenomena in society.

The second approach is determined by language comparative analysis. Lacunas are chosen by comparison of different lexical systems. In other words, lacunas don` t exist in its clear form, research is carried out in one direction (Russian in attitude to English), so in other direction (English in attitude to Russian). Such research of lacunarnost is called vectorial. A French -Russian list of non-equivalent lexics will differ from English-Russian.

Heterogenity of layer, different approaches for study arises different definitions: lacunas, weak equivalents, background information, words-realies, exotisms (exotic words).

Lacuna- is a gap, missing place in text (from Latin lacuna-deepening, hollow). The term “lacuna” was introduced by French linguists J. Viney, J. Darbelnet, who determined lacuna as phenomena when word doesn` t have conformity in other language. Under term lacuna should be understood the absence not only of lexical but grammar means in one language and in presence of another. V.L. Muraviev notices that some morfological peculiarities, making Russian words

lacunas: such prefixes до- (доесть, допить, доделать), the meaning of prefixes за- (зазеленеть, заиграть, запить, замусолить), Russian complex words with particula одно- (однолюб, однолетки, односельчанин, однополчанин).

V. S. Vinogradov and V. G. Kostomarov introduced the notion of background information.

Background information-it is socio-cultural information specific for the nation, mastering by the representatives and reflected in this nation community. In linguistic regional geography meaningful differences of equivalent words, stipulating differences in realia is called lexical background of the word.

Lexical background- phenomena frontier between language and culture. Discrepancy in the lexical background affects in different topical and syntactic connection of words. Differences in the lexical background includes the most part of the vocabulary stock. Terms coincide in the background, and in the field of non- specific vocabulary the whole coincidence of lexical backgrounds it happens seldom. However, if the culture, way of life are closer, so there are less differences in the lexical background of corresponding languages. The part of the culture, making up national socio-cultural fund, is reflected in the language. Exactly this aspect should be studied in the aim of full and profound understanding of the original and reproduction information about these values in translation with the language of the other culture. Specificity of the background information is in implicit presence in fiction text, which makes background meanings latent from foreign reader. Undoubtedly, absence of background knowledge makes difficult and distorts the perception of the text.

Language units, which carries latent information, needs linguistic arial geografic semantisation, historical comment, interpretation of background information, influencing image-meaning formation of fiction. According to Y. Tynyanovs words, many nouns are surrounded by emotional swarm of associations.

Background information comprises specific facts of history, state systems, characteristic subjects of past and future material culture, ethnographic and folk notion so called realia. The term realia was introduced into science in the middle of 50-s last century by our countries linguists, who developed theory of translation. By this term they called words, designated such subjects and phenomena, which are absent in life experience of other culture. Strictly saying, realia is considered to be facts of reality. The aim of realia is to widen views about way of life, traditions, weaken lexical difficulties in the work over fiction texts. In any language and dialects there are words, which don't have one-word translation in other languages, basically- designation of specific phenomena of local culture. In the case of borrowing non-equivalent words are called exotic lexis (exotisms). The specification of such words is in the strong ethno-cultural component of lexical meaning. They are used when we speak about other nation life. (Kalinin 1978, Mechkovskaya 2000). Exotisms and ethnographisms symbolise foreign culture. Exotisms or words-realia are called words, marking way of life realies specific for nation, country. (Alexseeva, 2004).

National-cultural peculiarity of lexis can appear not only in the list of specific words and in the absence of the meaning, expressed in other languages. Such «gaps», «white spots on the semantic language map» are called semantic lacunas. (Stepanov, 1965).

Units called weak equivalents can be treated as lacunas. Gabdreeva noticed, weak equivalents take intervening place between 1) borrowing; 2) false equivalents or so called «false friends of interpreter». They combine signs of both units. From borrowing they preserve the plan of expression, forms- in all bilingual dictionaries which gives correlatives forms without any lexical variants, the plan of content coincides with the prototype segmentarily.

We can trace processes of weak equivalents formation:

1. reduction of semantic meaning in borrowing word but preservation in the language- source.
2. redistribution of semantic meaning leads to lacunarnost.

So weak equivalents only partly passes lexical meaning of prototype and eventually can be used in the translation practice.

Vereshagin E.M., Kostomarov V.G. defines non-equivalental lexics as «words, using for expression notions, absent in a culture, in a language, characteristic for culture A, absent in culture B.

Lexical equivalents of these words in translations, its character and means of transmission of non-equivalental lexics are taught and described metres of translation theory and modern investigators (Fedorov A. V., Vinogradov V.S.) The problem of lacunas is put by the investigators in comparative aspect of two different languages (Muraviev V.L., Sorokin Y.S., Bairamova L.K., Gabdreva N.V., Gak V.G.)

B. Y. Norman states that lacunas are connected with languages functions (9) first of all with nominative. 1.)The necessity of nomination is connected with division of reality. 2)Cognition of reality becomes deeper and thinner. According to Norman B. Y. nomination is an integral part of cognition. Otherwise something shouldn't be nominated, that is not important. Subject should enter the vocabulary, adjust to the environment and should be used in everyday's life. On one hand, nomination is connected with to its subject and an illusion appears in the minds that this word is natural in usage. A word is formed by two plans: content and expression and bears the main weight of nominative function.

The distinctive feature of lexical system- its multi usage. It means that a word at the same time connects with different, heterogeneous relations with other lexems. A problem of definition exists in translation. Word is a linguistic reality, which is accepted but doesn't have scientific definition. Such difficulties are defined by the nature of word and, first of all dialectically contradictory essence. Categories, forms, relations, extralinguistic, social meanings, in which facts of everyday's, material and spiritual life are reflected. These difficulties are born because of polysemy of the word. And its relations with synonymy, omonymy, polymorphism of words and several grammatical forms. A researcher, dealing with comparative linguistic analysis at least of two languages, concentrates not on grammatical characteristics of words but on semantic context, information, including in words. For interpreter it is very important to research meaningful, expressive-emotional, stylistic and other part of information volume of word in speech and language with other its nuances in comparative sense.

We based on conventional definition of Meye in linguistics. A word- main structurally-semantic unit of a language, used for nomination subjects, its properties, phenomena, relations of reality, having semantic, phonetic and grammatical indications specific for each language. Analysis of words must be held at the language level, defining and compare kinds of information and its realization. At the process of speech a word can change its stylistic colour and gain new stylistic tints and meaning. Considering obligatory correlation of any word with objective reality, material, spiritual and linguistic system, we can point out in informative structure of words 2 types of information: extralinguistic and linguistic. Extralinguistic information comprises notions about facts, actions, characteristics, which are usual for different material and spiritual forms of nature and society. This type of information is usual for grammatical forms. Such information isn't transmitted during translation. It is substituted with linguistic information of the original. Reading a professionally performed translation, we don't get information about original language and we shouldn't get it. Only in some cases there is data about the original language, for example about transliteration of proper names. True understanding of fiction text depends on knowledge of culture and history of people, on language of which literary work is based. Socio-cultural way of life is reflected in in lexicology, has its own background information, telling us about spiritual and material culture. Such information is typical for realia. Correct translation depends on proper understanding of background information. The aim of translation is in perception, preservation of context, stylistic and communicative values of the text. During translation correlations of language units don't coincide with foreign correlations.

Considering all the points of views of different scientists, subject, any component of word, lexical meaning can be lacuna. We point out ethnographical, lexical, associative lacunas.

Lets give classification of these lacunas. To ethnographical lacunas we can refer

I. names of monetary units (farthing, guinea, shilling and others).

II. names of length and weight measurements (yards, feet, miles, acre).

III. form of address (Mr, Mrs, Miss).

IV. lacunas of cultural inheritance (horse racing, rules of writing letters, national traditions).

V. Names of food and drinks (roastbeef, ale, pudding, ginger beer, punch, gin, brandy).

VI. Names of professions, titles, ranks (lord, quakers, yankies, sheriff).

VII. Names of establishments, districts (Soho, East End, West End, Parliament).

VIII. Names of dwellings, educational establishments (cottages, college).

IX. Names of models of cars, vehicles (cab, taxi, omnibus, Ford).

X. Sport lexics (cricket, football, polo, box).

XI. Names of dances (foxtrot, jiga).

XII. Names of dogs breed (bulldog, pointer).

XIII. items of clothes. (smoking, bridges).

Associative lacunas arouse definite language associations, engendered by national mind. Close connection of associative realias with spiritual national culture makes translators use word for word comment, descriptive translation with different explanations. The content of associative lacunas includes special historical facts, state systems, national community. To associative lacunas we refer proper names. In fiction many real and imaginary (fictitious) names are met. The translator faces the choice problem: to give a new accurate variant, basing on transcriptional approach or to leave the old one.

I. Antroponyms: general names and surnames John, June, Emily, Billy, Jim, Jack, Irene, Jollion, Forsythe.

II. Toponyms.

Every city is divided into business centre, prestigious districts, poor areas. This information is significant for every native speaker of English and unknown to speaker of language B.

London consists of 32 areas. London -the centre of the city with sightseeing, where administrative buildings of Parliament, Westminster Abbey, Buckingham Palace are situated. Also different parks: St. James, Kensingtons Gardens, Hyde park and others. London City and Westminster district are connected by Strand, one of the oldest road in London. In Westminster City Scotland Yard, Whitehall are situated. At Oxford Street you can find main trade centres. London is divided into West End and East End.

West End-a fashionable district of London, where prestigious hotels, shops, houses of wealthy people are situated. Includes Mayfair, Piccadilly.

East End- an eastern part of Aldgate, Whitechanel. This district is associated with dialect Kokny and slums, which became common in XIX th century.

Hyde Park is famous for its lake Serpentine (32 acres), created by queens Karoliner order. Rotten Row-a famous riding road.

At Downing street, 10 the prime-minister residence is situated. The street is named in honour of Sir George Downing (1623–1684)-a diplomat, financialist.

In theory of translation names of real geographical objects are divided into two groups: ordinary and memorative, which gives supplement information.

To associative realias we can refer:

1. Language allusions (phraseologisms, sayings, proverbs). Phraseological units consist of lexical phraseologisms, idioms. They are semantically complicated and consist of separate meanings. Having its own completed fiction structure, they are stylistically unique. Inner form of the phraseologism- a lexico-semantical content of phrase.

These language units are connected with associative background information. The national component appear in nomination of clothes, housing, meal and others.

Proper names, geographical names, historical names are translated in Russian by transliteration. In transliteration of proper names occur phonetical divergence between Russian and English languages.

Lexical lacunas.

Lexico-semantic lacunas appear in the process of intercultural and inter-lingual communication, where national-cultural peculiarity of word is important. Lexical lacunas are connected with absence of one word-equivalent in one language in comparison with other.

1. The English hyperonym is correspondent to Russian hyponym (to go-идти, ехать, to marry-жениться, выходить замуж, to adopt-усыновлять, удочерять).

2. The English hyponym is correspondent to Russian hyperonym (affair, business-дело, shore, bank-берег, town, city-город, watch, clock-часы).

1. For example, in many languages, especially in English Russian lexemes голубой и синий correspond blue. Blue eyes are translated as голубые глаза. In Russian the meaning is more wider.

«The fume broken here and there by a little blaze of blue or crimson colour». (G., 2000, p. 341).
 «Дым оживленный, точно вспышкой, синим или алым пятном». (Г., 1962, с. 374).

The intensity of colour is considered, we see it from the context.

«An inspector of Police stood... with heavy — lidded pale-blue eyes...». (G., 2000, p. 318).
 «Полицейский инспектор стоял... и вялыми бесцветными глазами». (Г., 1962, с. 350).

Light blue in literal translation is светло-синий. In English there isn't a word for transmission of colour голубой, to the word blue Cambridge is added. If it is синий цвет dark or Oxford are used.

In English for transmission of the word седой white and grey are used.

The next lexico-semantic lacuna is берег, having two meanings in English: a bank of the river, a shore of the sea.

Часы — watch и clock. «...She had taken possession of his watch.» (G., т. 1, 1962, с. 122). —
 «... Она завладела его часами.» (Г., т. 1, 1962, с. 122).

In English for transmission of the word часы: clock and watch are used. Clock is an instrument for measuring and showing time, in a room or in the wall of a building (not worn or carried like a watch). Clock-настенные часы. (OALD 2000, p. 220). Watch- a type of small clock that you wear on your wrist, or (in the past) carried in your pocket. Watch-наручные часы.

Advocate, attorney, barrister, lawyer, solicitor-адвокат. Advocate — адвокат. «But advocates and proctors are not one and the same?» (D. K. Ch. 7 p. 125).

«Но адвокаты и прокторы не одно и то же!» (Д. К. с. 255, 1959).

1) Advocate. У данной лексемы исторически сложились два значения: Приводим данные из «Longman Dictionary of English Language and Culture».

Advocate — 1. Law Scot. E. — a lawyer speaks in defense of or in favour of another person in court.

2. a person who speaks for or supports an idea, way of life, a string advocate of prison reform.

2) Attorney — Уполномоченный, стряпчий: Attorney (Am. E. lawyer) a general, the chief law officer of a state or a nation (the head of the USA, of Justice).

Из словаря Вебстера (Webster's Dictionary) attorney is any person legally empowered to act as agent for in behalf of.

Приведем контекст из оригинала и сравним его с переводом.

«Why, he is a sort of monkish attorney» «Д. К. « 1851 г. с. 124).

«Почему, он стряпчий по торговым делам» («ДК» 1959 г., с. 256).

Barrister may represent a person in any court but usually only does so in the higher courts. A person's solicitor advises the barrister about the facts of the case but doesn't tell the barrister what to say.

Из словаря Вебстера (Webster Dictionary) barrister is a qualified member of the legal profession who represents and pleads cases.

В оригинале: «The two rows of seats... filled by barristers in wings». (G., 2000, p. 289). В переводе: «Адвокаты в париках постепенно заполнили два скамей». (Г., 1962 г. с. 321).

4) Solicitor — поверенный, стряпчий.

Solicitor (esp. in England) — a lawyer who does the necessary work when property is bought and sold and speaks especially in the lower courts of law. In 1992 it was decided that solicitors could also argue cases in the higher courts, which formely only barristers were able to do. Solicitor advises people on legal matters such as contracts, wills, buying and selling of property. Soames was solicitor to this estate» (Г., 2000 г. с. 66). — «Сомс был поверенным владельца имения». (Г., 1962 г. с. 144).

5) Lawyer is the general word for someone whose business is the law; a person whose business is to advise people about laws, write formal agreements or to represent people in court.

In English-Russian dictionary lawyer is translated as стряпчий, адвокат, юрист. The well-dressed throng drawn from the families of lawyers» (Г., 2000 г. с. 20). — «Хорошо одетой толпе, составлявшие из семей адвокатов» (Г., 1962 г. с. 51).

Lacunae, connected with inner form of word transmission.

Inner form of word- is a literal sense, which consist of morpheme, root, prefix, suffix meanings. In different languages the same meaning is presented differently. For example, нем. Streichholz-спичка is motivated from verb. streichen — намазывать, красить и holz — «дерево, древесина»; англ. match — спичка are not motivated.

Means of lacunae transmission and moving of words in Russian.

Means of lacunae transmission.

Filling of lacunae is a process of meaning opening of any word.

Compensation of lacunae exist as:

a) a phrase or paraphrase.

b) extended description.

Means of elimination of lacunae in receptive language can be divided into:

1. gap of lacuna.

2. substitute to specific or generic notion.

3. introduction of borrowing-with explanation, glosses, word for word translation.

4. correlation.

5. introduction into secret text synonymic row.

6. paraphrase.

The distinctive quantity of full translation, by A. V. Fedorov, Y. I. Rezker is: 1) exhaustive transmission of (meaningful) text content; 2) content transmission.

The first means of transmission is characteristic for XVIII century. A translator couldnt pick up suitable equivalent. (names of games vist, boston, piquet).

The next means is a substitute to specific or generic notion. For example, a bank of the river, a shore of the sea, solicitor — поверенный, tart — сладкий пирог, attorney — адвокат, lawyer — адвокат. In this case words of native language are used. Sir и miss — сударь и сударыня.

The main mean of lacunae transmission for Russian language is borrowing.

1. Lexemes of English origin as means of compensation lacuna notion. (sportsmen, farm, league, poker, college, football, pudding, bowling, club.

2. Borrowing with strong ethnocultural component. (lunch, five oclock, ale, sir, lady, penny, sterling, lord, gallon.

3. Occasional words: Gulbet, Nardak, Sprug, Kuinbus Flestrin, Flimnap, Trimeksen.

To historisms we refer names of professions, Yeoman- йомен -a historical name of small landowners. guinea, shilling, coach.

V.L. Muraviev noted that lacuna- a historical category in the result of society development, acquaintance with other nations culture, cultural, political, economic contacts lacunae can disappear and fill in.

When word is borrowed, it loses contact from word formation, loses transparent inner form. Lexical word meaning consists of following components:

- 1) significant, which is distinctive from other notions.
- 2) denotative, which correlate word with class of definite denotes.
- 3) connotative, containing emotional-stylistical tincture of word.
- 4) ethnocultural component, reflecting national specific of word.
- 5) structural, which is in lexico-semantic field.

The main transmission of professions, positions, titles, newspapers names is transliteration. By Vinogradov, transliteration- a borrowing of a foreign word, which is depicted with letters in language of translation. For example, proctor — проктор, clerk — клерк, lord — лорд, peer — пэр, squire — сквайр, «Daily Mail» — «Дэйли Мэйл», «Manchester Gurdian» — «Манчестер Гарден», «Times» — «Таймз», «Morning Post» — «Морнинг Пост», Newmarket Street — Нью-маркет Стрит.

Historical changes in word structure of Russian language in the middle of XIX–XX century: main peculiarities.

1. Appearance of borrowing words in late translations, which is the main means of lacunas filling. (жареное мясо — ростбиф, бифштекс, сударыня — мисс, миссис, сударь — сэр, собака — бульдог, гренки — тосты, напиток — эль, пунш, брюки — бриджи, карета — кэб).

2. Passive borrowings: митенка, йомен, альдермен, гиней, сквайр, шиллинг, карета, монокль.

3. Transcription and transliteration: пер — пэр, сквайр — эсквайр, сэр — сер — сир, сэндвич — сандвич — сендвич, миссис — мистрис, уотермен-уотэрмен, бренди-брэнди, пуддинг-пудинг, грок — грог.

4. Majority of English borrowing structure at the beginning of XXth. century has fixed phonetic-orthographic status: бриджи, лорд, джентльмен, холл, кэб, спикер, крикет, тори, омнибус, ярд, док, пенни, констебль, миледи, бренди, смокинг, бизнес и др.

5. English translations, as specific kind of literature is a source of lexical innovation (букмекер, пойнтер, гунтер, уотермен, бриджи, джин, фритредер, кэб, кэбмен, сквоттер, бобби), semantical (консоли, дерби, человек-сэндвич) and gramatical innovation (аль-совр. эль, гиней). Some of the anglicisms cant find lexicographical attaching even in modern dictionaries.

Reference:

1. Lipatova Y. Y. Lacunas in translations of english literature.//Materials of russian scientific-methodical conference «language and cultural contacts of different people. Pensa PSPU named after Belinsky V., 2004.
2. Lipatova Y. Y. To the question about ethnographical lacunas (on the translations of English literature of 20th century). Materials of internationa scientific conference, dedicated to 200 year anniversary of Kazan State University, «Russian and comparative philology: conditions and perspectives» Kazan: KSU, 2004.
3. Lipatova Y. Y. To studying interlingual lexical parallels at the lessons of teaching russian language.//Formation of communicative competence of foreign pupils Materials of internationa scientific conference Kazan: KSU, 2005.
4. Lipatova Y. Y. Ethnographical lacunas in russian language 19–20c. (on the translations of English literature of 20th century)//materials of 34th internationl philological conference. Saint-Petersburg, SpbSU, 2005.
5. Lipatova Y. Y. Elimination means of lacunas//Tupolev readings. Materials of international youth scientific conference, dedicated to 1000 anniversary of Kazan KSTU-KAI 2005.
6. Lipatova Y. Y. Characteristics of translations of different times of English literature in 19–20th cen. and national peculiarity of the original texts. Linguistic research. Kazan KSTU-KAI 2005.
7. Lipatova Y. Y. Borrowings as means of using lacunas in translations. Materials of scientific-practical conference. Kazan: KSU, 2005.

*Matveyeva Nadezhda Aleksandrovna,
Kostanai State Pedagogical Institute,
senior lecturer, Department of Foreign Languages*

*Матвеева Надежда Александровна,
Костанайский государственный педагогический институт,
старший преподаватель кафедры иностранных языков*

The problem of forming cross-cultural competence of future interpreters in contemporary theory and practice of education

Проблемы формирования межкультурной компетентности будущих переводчиков в современной теории и практике образования

Новые стратегические ориентиры в развитии общества кардинально изменили требования к образованию. В условиях глобализации и усиления интеграционных процессов развитие системы высшего образования приобретает новую направленность. В этой связи в Законе Российской Федерации «Об образовании» говорится о необходимости подготовки компетентных специалистов, способных не только решать стандартные профессиональные задачи, но и уметь адаптироваться в поликультурной среде, сотрудничать и координировать свою деятельность.

Современные условия жизни предъявляют новые требования к подготовке специалистов, профессиональная деятельность которых сопряжена с непосредственным осуществлением коммуникации между народами. Сегодня требуются не просто переводчики, а специалисты по международному и межкультурному общению, осуществляющие сближение народов, способствующие лучшему взаимопониманию, дружбе, сотрудничеству.

Новый социальный заказ на подготовку специалистов нашел свое отражение в Концепции развития иноязычного образования Республики Казахстан, где конечным качественным результатом обучения иностранному языку и культуре определяется формирование личности «субъекта межкультурной коммуникации», для которого характерна прочная закреплённость социо- и лингвокультурологических компонентов межкультурной компетенции, коммуникативная и поведенческая культура, соответствующая нормам лингвосоциума.

Такие высокие требования к профессиональной подготовке способствуют утверждению новой роли переводчика как межкультурного посредника, готового не только транслировать информацию, но и управлять пониманием субъектами межкультурного общения реалий другой культуры в процессе преодоления культурной дистанции, преобразовывать коммуникативную ситуацию перевода с уровня неопределённости до уровня единого для всех участников взаимодействия смыслового понимания. В связи с этим возникает необходимость обоснования новых подходов и технологий, позволяющих целенаправленно формировать межкультурную компетентность будущих переводчиков в процессе профессионального образования.

Понятие «межкультурная компетентность будущих переводчиков» за годы функционирования претерпело значительные изменения и совершенствования в теории и истории педагогики. Вследствие чего, для углубления понимания сущности межкультурной компетентности будущих переводчиков процесс развития и обогащения содержания понятия

был рассмотрен на основе комплексного использования: 1) социально-исторического анализа для выявления прогрессивных тенденций в формировании межкультурной компетентности в истории отечественной и зарубежной педагогики; 2) понятийно-терминологического анализа философской, психолого-педагогической и методической литературы для описания терминологического поля проблемы.

На основе полученных результатов в истории становления исследуемой проблемы мы выделили три основных этапа, каждый из которых отражает коренные изменения в проявлении научного интереса к межкультурной компетентности будущих переводчиков и осознании необходимости ее целенаправленного формирования в процессе профессиональной подготовки в вузе.

На *первом этапе* (с начала 20-х гг. до конца 50-х гг. XX в.) идея формирования межкультурной компетентности не имела самостоятельного выражения. Понятие «межкультурная компетентность» еще не было введено в научный оборот, однако существовал феномен «межкультурная компетентность», который понимался как некая коллективная идентичность, обретающая свою тождественность и уникальность за счет культивирования различия. На *втором этапе* (с 60-х гг. до 90-х гг. XX в.), благодаря существенному продвижению науки в исследовании проблем межкультурной коммуникации и распространению компетентностного подхода в теории и методике обучения иностранным языкам, начинаются исследование межкультурного компонента коммуникативной компетентности специалистов и разработка отдельных аспектов процесса ее формирования в системе высшего образования. *Третий этап* (с конца 90-х гг. XX в. до настоящего времени) отличается комплексным исследованием феномена межкультурной компетентности как компонента профессиональной коммуникативной компетентности специалиста и выдвижением в разряд актуальных проблем ее формирование у студентов — будущих переводчиков.

Расширение профессиональных функций переводчиков до межкультурного посредничества определяет необходимость теоретического обоснования методологических подходов к формированию межкультурной компетентности будущих переводчиков.

Таким образом, в процессе изучения психолого-педагогической литературы и целого ряда исследований нами были определены **ключевые понятия**: «межкультурная компетентность», «межкультурная компетентность переводчиков», «формирование межкультурной компетентности будущих переводчиков».

Анализ и обобщение научных работ по проблеме формирования межкультурной компетентности позволили нам сделать следующие выводы. Во-первых, *межкультурная компетентность* — это интегративное образование, которое состоит из определенного набора компетенций, обеспечивающих успешность межкультурного взаимодействия на макро- и микроуровнях. Во-вторых, она отличается биполярной структурой, имеет динамичный характер и основывается на диалоге культур. В-третьих, она не образуется самостоятельно и требует целенаправленных действий по ее формированию.

Экстраполяция данного понятия в сферу профессиональной деятельности переводчиков с учетом их новых функций как медиаторов культур позволила нам трактовать *межкультурную компетентность переводчиков* как интегративное качество специалиста, отражающее его готовность и способность обеспечивать успешность межкультурного взаимодействия между представителями различных лингвокультур на макро- и микроуровнях посредством создания общего для них значения происходящего на основе учета этнокультурных ценностей, норм, представлений, особенностей вербального и невербального поведения.

При определении *структуры межкультурной компетентности будущих переводчиков* мы опирались на требования к общекультурным, профессиональным и ключевым компетенциям бакалавра, указанные в ГОСО РК 5.04.19–2008 по специальности «050207 —

Переводческое дело (бакалавр)» и ФГОС-03 ВПО РФ по направлению «035700 — Лингвистика (бакалавр)». Объединив перечисленные в государственных стандартах высшего образования компетенции в укрупненные компоненты, в структуре межкультурной компетентности будущих переводчиков мы выделяем этнокультурную компетенцию, лингвокоммуникативную компетенцию, социокультурную компетенцию и аутокомпетенцию (см. рис. 1).

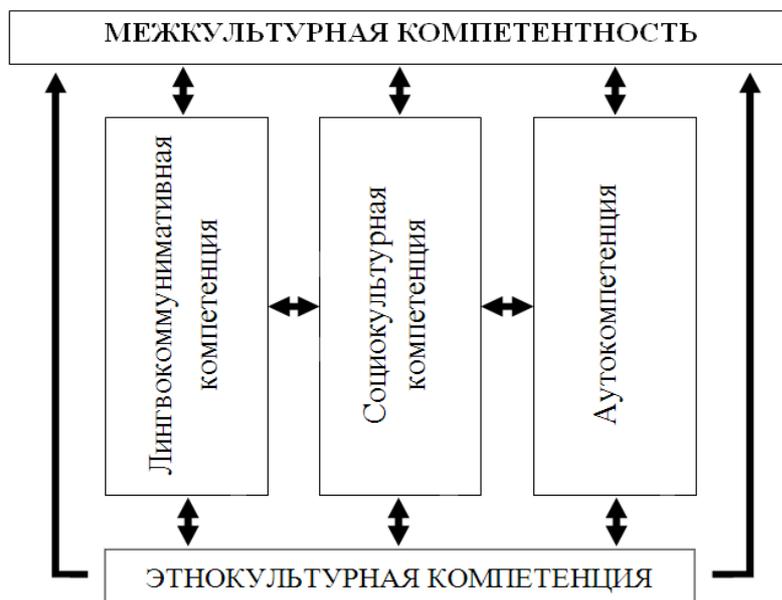

Рис. 1. Структура межкультурной компетентности будущих переводчиков

На основе проведенных анализа и обобщений, а также на основе изучения профессиональной деятельности переводчиков мы полагаем, что компоненты, выделенные нами в структуре межкультурной компетентности, имеют следующий состав и характеристики.

Лингвокоммуникативная компетенция включает лингвистический, коммуникативный, прагматический, стратегический и дискурсивный компоненты. *Социокультурная компетенция*¹ включает социальный, культурный и страноведческий компоненты. *Этнокультурная компетенция*² предполагает овладение культурой своего народа, создание представлений о многообразии культур и воспитание этнотолерантности. *Аутокомпетенция*³ предполагает владение технологиями преодоления профессиональных деструкций, высокий уровень рефлексии и самопроверки.

Системный анализ исследуемой компетентности позволил сделать вывод о взаимозависимости и взаимном влиянии ее компонентов. Так, лингвокоммуникативную основу *этнокультурной* компетенции составляют этносоциальные функции языка, понятия родного и национального языков. Социокультурный аспект лингвистического компонента лингво-коммуникативной компетенции реализуется в различных сферах общения одновременно с правилами речевого этикета и речевого поведения⁴. Коммуникативный аспект

¹ Neuner G. The role of sociocultural competence in foreign language teaching and learning. – Strasbourg: Council of Europe, 2002. – 276 p.

² Егорычев, А. М. Социально-философские основания интеграции этнокультурных традиций в системе образования России: Дис.... д-ра филос. наук [Текст]/А. М. Егорычев//Барнаул, 2006. – 356 с.

³ Быстрая Е. Б. Формирование межкультурной компетентности будущих учителей: Монография. [Текст] /Е. Б. Быстрая. – СПб.: Изд-во «Медуза», 2003. – 123с.

⁴ Ахметова Н. А., Чатоева З. Б. Формирование межкультурной компетенции у студентов-кыргызов в условиях билингвизма [Текст]/Н. А. Ахметова, З. Б. Чатоева.//Система формирования языковой компетентности – важный фактор инновационного развития России (Лингвапарк): материалы

аутокомпетенции обусловлен высоким уровнем самосознания и саморегуляции, поскольку предполагает умение слушать своего собеседника, обостренно чувствовать его внутренний мир, вставать на точку зрения другого человека, выражать свои чувства и управлять своим эмоциональным состоянием (И. Е. Брыксина¹, Е. Б. Быстрой, Н. Е. Паевская² и др.). Этнокультурный аспект *аутокомпетенции* предполагает готовность человека к взаимопониманию и взаимодействию, основанную на знаниях и опыте.

Указанные межкомпетентностные связи, функционирующие внутри сложной структуры, каковой является межкультурная компетентность, выходят за ее пределы в сферу базовых социально-профессиональных компетентностей переводчика и оказывают на них свое непосредственное воздействие.

В условиях профессиональной деятельности переводчика базовые лингвокоммуникативные компетенции — лингвистическая и дискурсивная — позволяют специалисту полно, логично, связно, понятно, лингвистически корректно строить свои высказывания и адекватно понимать речь других людей. Низкий уровень сформированности лингвистической и дискурсивной компонентов лингвокоммуникативной компетенции отрицательно влияет на качество формулирования мыслей и в результате — на качество выполняемой работы в межкультурных условиях и на качество общения. Недостаточный уровень сформированности социокультурной и стратегической компетенций оказывает неблагоприятное воздействие на процесс профессионально-делового общения, также затрудняя или даже блокируя его, порождая непонимание поведения. Все это может вызывать реакцию неприятия и отчуждения, что не способствует продуктивности выполняемой специалистом деятельности. Владение социокультурными реалиями своей страны и общецивилизационными ценностями повышает уровень общей культуры, эрудированности и образованности специалиста и непосредственно связано с его личностными компетентностями.

С целью выявления механизмов формирования межкультурной компетентности будущих переводчиков уточним содержание исследуемой компетентности и выполним анализ подходов ученых-педагогов к решению обозначенной проблемы (см. табл. 1).

Ряд исследователей за рубежом подходят к определению межкультурной компетентности с бихевиористической позиции и выделяют комплекс поведенческих качеств личности, которые и составляют компетенцию при коммуникации с представителями иных культур³. К таким качествам относятся: проявление уважения и позитивной оценки другого человека; лишённая предубеждений позитивная реакция на поведение другого индивида; принятие точки зрения собеседника, способность взглянуть на событие с его позиции; толерантность к неожиданному повороту событий, способность справиться с ранее неизвестной и неопределённой ситуацией, не показывая своего замешательства. В целом, предложенные структурные модели в основном ориентированы на поведенческий аспект при общении с представителями другой культуры и не подразумевает общения как обмена культурными смыслами, в ходе которого происходит понимание и познание культуры.

межд. науч.-практ. конф. в рамках Инновационной образовательной программы Московского государственного лингвистического университета – М., 2007. – С. 30–32

¹ Брыксина И. Е. Концепция билингвального/бикультурного языкового образования в высшей школе (неязыковые специальности) [Текст]/И. Е. Брыксина.//Автореф. дис. док. пед. наук – Тамбов, 2009. – 41 с.

² Паевская Н. Е. Социально-психологические механизмы развития аутопсихологической компетентности государственных служащих [Текст]/Н. Е. Паевская//автореф. дис. канд. психол. наук – Москва, 2009–25 с.

³ Елизарова Г. В. Язык и культура: межкультурное общение. [Текст]/Г. В. Елизарова. – М.: Слово, 2005. – 354 с.

Поэтому данная структура межкультурной компетентности является неполной и не учитывает многообразие культурных ситуаций, в которых человек может оказаться в процессе общения с представителями иной культуры. В ней не выделены никакие культурологические элементы, а также знание языка и культурных фактов.

Таблица 1. Структурно-содержательные модели межкультурной компетентности

Автор	Структурные компоненты	Особенности
К. Кнапп	<ul style="list-style-type: none"> — знание моделей и коммуникативных действий и их интерпретации как в своей собственной, так и в изучаемой культуре и языке; — общие знания об отношениях между культурой и коммуникацией; — набор стратегий для стабилизации взаимодействия. 	<ul style="list-style-type: none"> 1) Высокая степень вдумчивости уменьшает неопределенность и тревогу, приводя к эффективной коммуникации; 2) выделение двух взаимосвязанных сторон межкультурной компетентности — способность понимать родную и чужую культуру;
А. Шпицберг	<ul style="list-style-type: none"> — Индивидуальная система — характеристики индивидов, облегчающие межкультурную коммуникацию; — эпизодическая система — характеристикам участников интеракции, способствующие взаимным атрибуциям компетентности; — относительная система — характеристики, которые позволяют людям переносить свои навыки межкультурной коммуникации на различные ситуации и контексты. 	<ul style="list-style-type: none"> 3) установление связи между мышлением и поведением, что выводит межкультурную компетентность на более осознанный и культурологический уровень;
В. Гудикунст	<ul style="list-style-type: none"> — Мотивационные факторы (потребности участников интеракции, взаимное притяжение, представления о самом себе и открытость для новой информации); — фактор знаний (ожидания, общие информационные сети, знание альтернативных интерпретаций и знание сходств и различий); — фактор навыков (способность проявлять эмпатию, быть толерантным к многозначности, адаптировать коммуникацию, видоизменять поведение и собирать нужную информацию). 	<ul style="list-style-type: none"> 4) модели ориентированы в основном только на поведенческий аспект; 5) не подразумевают общения как обмена культурными смыслами, в ходе которого происходит понимание и познание культуры.
Е. Филлипс	<ul style="list-style-type: none"> — Познание изучаемой культуры; — формирование положительного отношения к изучаемой культуре. 	<ul style="list-style-type: none"> 1) При непосредственном контакте с культурой и ее представителями.
М. Байрам	<ul style="list-style-type: none"> — Отношения на основе открытости и любопытства, готовности отказаться от преубеждений относительно другой и родной культуры; — знания и умения интерпретации и соотнесения, умения открытия и взаимодействия; — критическое осознание культуры или политическое образование. 	<ul style="list-style-type: none"> 1) Не учитывает знание языка и понимание связи языка с мышлением; 2) отсутствует компонент страноведческих знаний, а без знания культурных фактов невозможно эффективное общение и достижение взаимопонимания.

Х. Чен	<ul style="list-style-type: none"> — Самораскрытие, самомониторинг; — социальная раскованность; — навыки передачи сообщения; — поведенческая гибкость; — способность направлять интеракцию; — социальные навыки; — адаптивная способность и осознание культуры. 	1) МКК приравнивается к индивидуальным характеристикам Я-концепции.
М. Хаммер, Д. Мартин, Х. Нишида, Р. Уайзмен	<ul style="list-style-type: none"> — Понимание ситуаций и поведения, обусловленного специфическими правилами; — понимание культуры в целом; — аффективное отношение к изучаемой культуре. 	<p>1) Основана на степени проявления позитивных и негативных установок по отношению к другой культуре, этноцентризма, воспринимаемой социальной дистанции;</p> <p>2) предполагает знание и понимание другой культуры.</p>
Д. Джонсон	<ul style="list-style-type: none"> — поведение (1 сектор); — общение (2 сектор); — самопознание (3 сектор). 	1) отражает содержательный, мотивационный и личностный компоненты компетентности.

Ряд исследователей за рубежом подходят к определению межкультурной компетентности с бихевиористической позиции и выделяют комплекс поведенческих качеств личности, которые и составляют компетенцию при коммуникации с представителями иных культур¹. К таким качествам относятся: проявление уважения и позитивной оценки другого человека; лишённая предубеждений позитивная реакция на поведение другого индивида; принятие точки зрения собеседника, способность взглянуть на событие с его позиции; толерантность к неожиданному повороту событий, способность справиться с ранее неизвестной и неопределённой ситуацией, не показывая своего замешательства. В целом, предложенные структурные модели в основном ориентированы на поведенческий аспект при общении с представителями другой культуры и не подразумевает общения как обмена культурными смыслами, в ходе которого происходит понимание и познание культуры. Поэтому данная структура межкультурной компетентности является неполной и не учитывает многообразие культурных ситуаций, в которых человек может оказаться в процессе общения с представителями иной культуры. В ней не выделены никакие культурологические элементы, а также знание языка и культурных фактов.

Другие предлагают структуру межкультурной компетентности, состоящую из четырех или пяти компонентов. Модель М. Байрама является наиболее полной среди них и охватывает различные качества, способности и умения личности. Данная модель является базовой для достаточно многочисленных в западной научной литературе исследований способов формирования межкультурной компетентности. Согласно этой модели межкультурная компетентность состоит из следующих пяти элементов: отношения, знания, умения ин-

¹ Елизарова Г. В. Язык и культура: межкультурное общение. [Текст]/Г. В. Елизарова. – М.: Слово, 2005. – 354 с.

терпретации и соотнесения, умения открытия и взаимодействия, критическое осознание культуры или политическое образование¹.

Отношения между представителями различных культур с высоким уровнем межкультурной компетенции должны строиться на основе открытости и любопытства, готовности отказаться от предубеждений относительно другой и родной культуры.

Знаниевый компонент включает информированность о социальных группах, их характеристиках и практической деятельности в собственной стране и стране — партнёре по общению, об общих процессах социального и личностного взаимодействия.

Умения интерпретации и соотнесения состоят в способности человека интерпретировать документ или событие другой культуры, объяснить его и соотнести с явлениями собственной культуры.

Ещё одним компонентом межкультурной компетенции является умение усваивать новые знания о культуре и культурных практиках, умение оперировать знаниями, отношениями и навыками в условиях коммуникации и взаимодействия в реальном времени.

Последний компонент — критическое осознание культуры или политическое образование заключается в умении критически и на основе определённых критериев оценивать мировоззрение, деятельность и результаты деятельности, присущие собственной и иной культуре.

Таким образом, личность обладает следующими качествами:

- способностью увидеть взаимоотношения между разными культурами (как внешними, так и внутренними по отношению к обществу);
- способностью быть посредником, интерпретировать одну культуру в терминах другой;
- критическим и аналитическим пониманием собственной и иной культуры;
- осознанием собственного взгляда на мир и того факта, что его мышление культурно детерминировано, а не только убеждённостью, что его мировоззрение и понимание естественно.

Положительной стороной данной модели является установление связи между мышлением и поведением, что выводит межкультурную компетентность на более осознанный уровень. Однако она не учитывает два компонента: страноведческие знания и знание языка. Они имеют большое значение, так как межкультурное, профессиональное взаимодействие переводчиков предполагает высокий уровень овладения как комплексом специальных знаний, так и иностранным языком. Оно также подразумевает умение адекватно интерпретировать и принимать социокультурные особенности партнеров по коммуникации при решении практических задач. Для достижения такого результата требуется интегрированное обучение языку и особенностям культурной среды его носителей, поскольку в процесс взаимодействия между представителями разных культур интегрированы собственно культурный (экстралингвистический) и языковой (коммуникативный) коды. Поэтому проникнуть в суть процесса межкультурной коммуникации возможно, лишь уяснив содержание компонентов этих кодов.

Решение проблемы внутреннего содержания межкультурной компетентности будущих переводчиков нами осуществлялось также через исследование наполнения профессиональной компетентности переводчиков. Здесь мы разделяем точку зрения тех авторов

¹ Byram, M. Teaching Foreign Languages for Intercultural Competence//Культуроведческие аспекты языкового образования. Сб. науч. трудов/Под ред. В. В. Сафоновой. – М.: Еврошкола, 1998. – С. 7– 21.

(И. Ю. Иеронова¹, И. Л. Плужник², И. И. Халеева³ и др.), которые рассматривают профессиональную компетентность как целостное явление, интегрирующее не только знания, умения, профессионально значимые личностные качества, но и мотивацию, опыт специалиста, необходимые ему для выполнения профессиональных задач.

С этой точки зрения мы полагаем, что дидактическое *содержание межкультурной компетентности* включает в себя: *мотивацию* осуществлять эффективную коммуникацию и расширять профессиональный опыт; *интерес* и положительное *отношение* к поликультурным ценностям; *знания*: о социокультурных аспектах морально-этических норм общения в странах изучаемого языка; о национальной идентичности; о сходстве и различиях профессиональных тезаурусов в родной и иноязычной культурах; о концептах, нормах, поведенческих образцах (установках), свойственных инокультурной профессиональной сфере; о различных языковых средствах выражения коммуникативных стратегий и тактик в целях эффективного, бесконфликтного поведения; *умения и навыки*: построения и распознавания культурно-специфических норм высказываний профессионального характера; гибкого варьирования речевого высказывания в соответствии с коммуникативными стратегиями; свободного использования тезауруса профессиональных понятий, концептов; речевого и неречевого поведения в культурно-специфических профессиональных ситуациях; понимания и продуцирования иноязычного текста профессионального профиля.

На основе анализа психолого-педагогической литературы было установлено, что особенности профессиональной деятельности переводчиков детерминируют систему профессионально значимых личностно-поведенческих качеств компетентного переводчика. Поскольку в профессиональной сфере переводчиков преобладает стиль сотрудничества, характеризуемый позитивным отношением к окружающим, центрацией на стимулировании коммуникации, стремлением к взаимопониманию и эмоциональному отклику, многие авторы (П. В. Сысоев⁴, А. П. Чужакин⁵, А. Д. Швейцер⁶ и др.) среди *профессионально важных личностно-поведенческих качеств переводчика* выделяют: отказ от этноцентризма, культурную полицентричность и непредвзятость, терпимость к другим профессиональным ценностям, сензитивность — чувствительность к вербальной и невербальной стороне поведения, плюрализм и толерантность.

Далее для выявления личностно-поведенческих качеств, наиболее значимых при формировании межкультурной компетентности переводчиков, мы использовали метод экспертных оценок, позволивший установить приоритетные, значимые в содержании данной

¹ Иеронова И. Ю. Формирование профессионально-посреднической культуры будущего переводчика в культуросообразной среде университета. [Текст]/И. Ю. Иеронова.//Автореф. дис. док. пед. наук. – Калининград, 2008. – 44 с.

² Плужник И. Л. Формирование межкультурной коммуникативной компетенции студентов гуманитарного профиля в процессе профессиональной подготовки [Текст]/И. Л. Плужник//Автореф. дис. док. пед. наук – Тюмень, 2003. – 29 с.

³ Халеева И. И. Вторичная языковая личность как реципиент ино-фонного текста. [Текст]/И. И. Халеева //Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. – М.: Институт русского языка РАН, 1995.

⁴ Сысоев П. В. Культурное самоопределение личности в контексте диалога культур: Монография. [Текст]/П. В. Сысоев. – Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2001. – 175с.

⁵ Чужакин, А. П., Палажченко П. Мир перевода, или Вечный поиск взаимопонимания: [Текст]. – 2004, 192 с. – Инт.-ресурс. Режим доступа: http://window.edu.ru/window_catalog/files/r19555/metod480.pdf, свободный.

⁶ Швейцер, А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988. – 216 с.

компетентности качества личности: способность к эмпатии и рефлексии, толерантность и способность к самосовершенствованию. При этом особое место в структуре компетентности переводчика мы отводим *ассертивности*, как основе успешной профессиональной деятельности в постоянно изменяющихся внешних условиях. Ассертивность предполагает развитие способности не действовать в ущерб кому-либо или себе, а способности своим поведением заставить представителя другой культуры принять себя как равного. По определению Ренни Фричи (Fritchie, 1990) ассертивный человек — тот, кто отвечает за собственное поведение, демонстрирует самоуважение и уважение к другим, позитивен, слушает, понимает и пытается достичь компромисса. Исходя из специфики профессиональной деятельности переводчиков, ассертивность следует рассматривать как системообразующее свойство личности специалиста, имеющее существенное значение в регуляции адаптивной активности в условиях межкультурной профессиональной деятельности¹.

Обобщая вышесказанное, в дидактическом *содержании межкультурной компетентности переводчиков* мы выделяем: мотивацию и интерес, установки и отношения, знания, умения и навыки, профессионально значимые личностно-поведенческие качества будущих переводчиков, опыт межкультурной деятельности и межкультурного общения.

В психологии существует метод изучения личности в форме круговых моделей. Поскольку межкультурная компетентность переводчиков в данной работе рассматривается как личностная категория, то мы считаем целесообразным рассмотреть круговую модель личности Виггинса (Wiggins, 1995) как предпосылку изучения организации содержательных компонентов межкультурной компетентности будущих переводчиков (см. рис. 2).

Рис. 2. Содержательные компоненты межкультурной компетентности

При изучении вопроса о последовательности содержательных компонентов изучаемой компетентности по кругу принималось во внимание три обстоятельства. Во-первых, порядок последовательностей компонентов может быть разным. Например, знания — умения и навыки — отношения и ценности и т. д. или мотивация и интерес — ценности — отношения и установки — знания и т. д. Во-вторых, данные компоненты являются так называемыми «площадями сечения», которые теснейшим образом связывают структурные компоненты межкультурной компетентности. В-третьих, опыт межкультурной деятель-

¹ Шамиева, В. А. Ассертивность в структуре личности субъекта адаптации [Текст]/В. А. Шамиева// автореф. дис.канд. психол. наук – Хабаровск, 2009–24 с.

ности и межкультурного общения интегрирует содержание всех компонентов исследуемой компетентности в единое целое.

Таким образом, системный анализ межкультурной компетентности будущих переводчиков позволяет нам сделать вывод о том, что она представляет собой совокупность четырех компетенций, взаимосвязь и взаимозависимость которых обеспечивается за счет элементов ее содержания. При этом опыт межкультурной деятельности и межкультурного общения интегрирует все компоненты и элементы исследуемой компетентности в единое неделимое целое.

На основе работ Е.И. Пассова, Н.В. Барышникова, А.Г. Баранова, Н.Д. Гальсковой, А.Л. Бердичевского нами выделены *факторы* формирования межкультурной компетенции, один из которых определен как «культурный комплекс», т. е. культурные ценности родной и изучаемой культуры. В этом вопросе наша позиция выражается в том, что понимание и восприятие современного мира во всем его многообразии, осознание необходимости межкультурной коммуникации, как основополагающего принципа сосуществования в ней, возможно только на осознании собственной индивидуальности, знании национальной культуры и истории края в неразрывной связи с культурой и историей страны изучаемого языка. Следующий фактор формирования межкультурной компетентности — это положительная или негативная установка по отношению к другой культуре и ее представителям, этноцентризм.

Данные факторы влияют на степень неопределенности в ситуации и уровень тревоги или стресса, который фактически испытывают участники интеракции, т. е. на степень «вдумчивости» в коммуникативный эпизод. Это определяет: насколько сознательные шаги они предпринимают по анализу собственного и чужого поведения, а также по адекватному планированию и интерпретации интеракции по мере ее развития. Согласно В. Гундикусту, высокая степень вдумчивости уменьшает неопределенность и тревогу, приводя к эффективному межкультурному взаимодействию.

Наиболее важным является то, что межкультурная компетентность формируется только в процессе особого вида коммуникации, межкультурной коммуникации — специфического функционально обусловленного взаимодействия представителей разных культур, которое подразумевает определенные изменения в состоянии участников коммуникации в результате взаимного влияния. На основе возникающего в подобных ситуациях взаимопонимания происходит выработка нового, единого значения как результата коммуникации, при условии осознания культурных различий и понимания «инаковости», «чужеродности» партнера.

Рассматривая формирование как процесс целенаправленного и организованного овладения социальными субъектами целостными, устойчивыми чертами и качествами, необходимыми им для успешной жизнедеятельности (понятие из концепции Б. Скиннера), под *формированием межкультурной компетентности будущих переводчиков* мы понимаем процесс целенаправленного и организованного овладения студентами определенного набора знаний, умений, навыков и отношений (составляющих сущность межкультурной компетентности), обеспечивающих их культурно-адекватное поведение в условиях диалога культур и способность выступать в роли межкультурного посредника.

Формирование межкультурной компетентности является частью профессиональной подготовки будущих переводчиков и осуществляется через систему заданий, направленных на усвоение знаний, выработку отношений, формирование сложных умений межкультурного общения и освоений культурно-значимых тем. Она обладает динамичным характером и меняется в зависимости от потребностей обучающихся и условий процесса обучения¹.

¹ Елизарова, Г. В. Язык и культура: межкультурное общение. [Текст]/Г. В. Елизарова. – М.: Слово, 2005. – 354 с.

Беря за основу стадии развития культурной сензитивности М. Беннетта, и основные положения теории культурной грамотности Э. Хирша, теории редукации неуверенности К. Бергера и теорию адаптации Я. Кима, мы рассматриваем *три этапа формирования межкультурной компетентности*.

Первый этап — *этноцентризм* — отражает начальный уровень представлений о культуре страны изучаемого языка. Как показывают исследования Г. Нойнера, обучение иноязычной культуре не начинается с абсолютного нуля и возможно наличие некоторых представлений и стереотипов об иноязычной действительности. При этом представления о собственной культуре уже сложились¹. Поэтому яркой отличительной чертой данной стадии является общая тенденция людей оценивать другую культуру с позиции ценностей и норм собственной, формирование суждений «плохой — хороший», «Свой — Чужой».

Данная стадия соответствует этапу «бессознательной компетентности»², на котором идет работа над формированием следующих знаний и умений:

— системы знаний о феномене культуры вообще; системы знаний об американской культуре; системы знаний о собственной культуре;

— представлений о возможности конфликтов и взаимного обогащения в ходе проявлений двух культур; представлений о культурных стереотипах, предрассудках и обобщениях; представлений о собственных психологических реакциях на межкультурное взаимодействие;

— неречевых умений направленного наблюдения, двойного видения, контроля за собственным стереотипным восприятием, разграничения фактов и мнений, этнографического познания, эмпатического восприятия;

— речевых умений (на основе учета и сопоставления систем ценностей) реакции на дискурсные маркеры отклонения от фреймов ожидания;

— обсуждения и создания общего культурно-связанного значения речевых актов; обсуждения и создания общего культурно-связанного значения собственных поведенческих действий и поступков собеседника, партнера; обсуждения и создания общего культурно-связанного значения происходящего.

Постепенно, по мере изучения материала, представляющего вариативность стилей и образа жизни родной страны и страны изучаемого языка, формируется *открытость* в восприятии и взаимодействии с представителями изучаемого культурного сообщества или материалами о культуре страны изучаемого языка. Появляется понимание того, что в основе каждой культуры лежит система ценностей значений и норм, объединяющая людей по определенным признакам. В связи с этим оценка каждой конкретной культуры должна и может производиться только с позиции ее собственных норм и ценностей. На данной стадии — второй стадии: *культурное самоопределение* — этап «сознательной компетентности» — сравнения между родной и изучаемой культурами будут происходить уже по принципу «наличия» или «отсутствия» определенных фактов и реалий изучаемой культуры в родной³. Таким образом, получая информацию о вариативности и разнообразии как родной, так и изучаемой культур, возникает возможность рассматривать их с иной точки зрения — «Свой — Другой».

Третья стадия освоения культуры — это *формирование личности субъекта диалога культур*, что и является целью поликультурного образования. Отличительной чертой этой стадии является переход от мышления и понимания к активной деятельности. На данной

¹ Neuner, G. The role of sociocultural competence in foreign language teaching and learning. – Strasbourg: Council of Europe, 2002. – 276 p.; с.45

² Byram, M. Cultural studies in foreign language education. – Clevedon, Avon, 1989; с. 215

³ Сафонова В.В. Культуроведение в системе современного языкового образования [Текст]/В.В. Сафонова //Иностранные языки в школе. – 2001. – № 3.; с. 17

стадии, соответствующей этапу «собственно межкультурной компетентности», происходит формирование готовности:

- ставить себя на место других;
- принимать на себя ответственность за устранение всевозможного кросс-культурного недопонимания (объяснять сверстникам коммуникации реалии родной культуры и расспрашивать собеседника о значении определенных фактов и реалий его культуры);
- проявлять дипломатичность с целью поддержания диалога культур в духе мира;
- выступать в качестве полноценных представителей родной культуры;
- самообучаться функционировать самостоятельно в поликультурном мире, используя социокультурные стратегии.

Таблица 2. Подходы к выделению уровней сформированности межкультурной компетентности

Подход	Уровни					
	По уровню/глубине проникновения коммуникантов в контактирующие культуры	Культурный этноцентризм		Культурное взаимодействие	Культурное взаимодействие	Культурное «взаимоеднение»
По степени редуци и неуверенности (Наролина В. И.)	Уровень «выживания» в межкультурном общении(МО)	Уровень адаптации и ограничения участия в МО	Уровень участия в МО с большей степенью неуверенности	Уровень участия в МО с меньшей степенью неуверенности	Уровень уверенного участия в МО	Уровень свободного и продуктивного участия в МО
По педагогическим целям в познавательной сфере (на основе таксономии Б. Блума)	интуитивный		репродуктивный	репродуктивно-творческий	творческий	
Авторские	низкий	базовый	средний	высокий		
	Этнокультурное Я	Свой — Чужой	Свой — Другой	Межкультурное Я		
	«Я знаю, что другая культура может быть хуже моей».	«Я предполагаю, знаю и учитываю, что другой думает и действует по-другому».	«Я знаю и понимаю, почему другой — другой, и я готов согласиться с объяснением его инаковости и принять ее»	«Я понимаю и принимаю концептуальные ценности другого и готов разделить их».		

Данные этапы формирования межкультурной компетентности следует соотнести с *уровнями*, которые соответствуют качественной стороне ее развития.

В педагогической теории сложилось несколько подходов к выделению уровней сформированности межкультурной компетентности (см. табл. 2).

Анализ литературы по данной проблеме показал наличие в них общих положений, позволяющих нам принять их как стержневые и на их основе выделить следующие уровни сформированности межкультурной компетентности:

1. Низкий — Студент считает ценности и нормы, принятые в родной культуре, единственно правильными, активно отвергает ценностные и поведенческие системы других культур, не осознает различия между культурами. Ему свойственно стереотипное восприятие национально-культурных особенностей другого народа в связи с тем, что он знаком только с поверхностными, бросающимися в глаза особенностями культуры других народов¹.

2. Базовый — Студент признает существование определенных различий в поведении и восприятии иных культур, однако не видит различий в их ценностных системах.

3. Средний — Студент знаком с существенными, глубинными особенностями иной культуры, контрастирующими с родной культурой. Он осознает и принимает разницу между поведением и мировосприятием представителей разных культур с отсутствием ярко выраженной положительной или отрицательной оценки.

4. Высокий — Студент осознает культурные различия, способен управлять своим поведением адекватно культурной специфике ситуации, корректно реагирует на поведение партнера по коммуникации, обладает высоким уровнем сформированности рефлексивных умений, стремлением к познанию, личной и профессиональной самореализации.

Изучение состояния выбранной нами проблемы в теории и практике высшей школы позволило сделать вывод о том, что межкультурная компетентность будущих переводчиков не образуется самостоятельно и требует целенаправленных усилий по ее формированию. В данном контексте межкультурная подготовка будущего переводчика является важным компонентом его профессиональной подготовки, фундаментом формирования и развития его профессиональной компетентности, основные функции которой направлены на достижение смысловой общности между субъектами межкультурного общения.

Список литературы:

1. Ахметова Н. А., Чатоева З. Б. Формирование межкультурной компетенции у студентов-кыргызов в условиях билингвизма [Текст]/Н. А. Ахметова, З. Б. Чатоева.//Система формирования языковой компетентности — важный фактор инновационного развития России (Лингвапарк): материалы межд. науч.-практ. конф. в рамках Инновационной образовательной программы Московского государственного лингвистического университета — М., 2007. — С. 30–32
2. Брыксина И. Е. Концепция билингвального/бикультурного языкового образования в высшей школе (не-языковые специальности) [Текст]/И. Е. Брыксина.//Автореф. дис. док. пед. наук — Тамбов, 2009. — 41 с.
3. Быстрая Е. Б. Формирование межкультурной компетентности будущих учителей: Монография. [Текст]/Е. Б. Быстрая. — СПб.: Изд-во «Медуза», 2003. — 123 с.

¹ Любова, Т. В. Реализация аксиологического подхода в процессе развития межкультурной компетенции студентов вуза (на примере изучения иностранного языка) [Текст]/Т. В. Любова// Автореф. дис. ... канд. пед. наук. — Казань, 2009. — 19 с.; с. 15

4. Егорычев, А. М. Социально-философские основания интеграции этнокультурных традиций в системе образования России: Дис... д-ра филос. наук [Текст]/А. М. Егорычев//Барнаул, 2006. — 356 с.
5. Елизарова Г. В. Язык и культура: межкультурное общение. [Текст]/Г. В. Елизарова. — М.: Слово, 2005. — 354 с.
6. Иеронова И. Ю. Формирование профессионально-посреднической культуры будущего переводчика в культуросообразной среде университета. [Текст]/И. Ю. Иеронова.//Автореф. дис. док. пед. наук. — Калинин-град, 2008. — 44 с.
7. Любова, Т. В. Реализация аксиологического подхода в процессе развития межкультурной компетенции студентов вуза (на примере изучения иностранного языка) [Текст]/Т. В. Любова//Автореф. дис. ... канд. пед. наук. — Казань, 2009. — 19 с.; с. 15
8. Паевская Н. Е. Социально-психологические механизмы развития аутопсихологической компетентности государственных служащих [Текст]/Н. Е. Паевская//автореф. дис. канд. психол. наук — Москва, 2009—25 с.
9. Плужник И. Л. Формирование межкультурной коммуникативной компетенции студентов гуманитарного профиля в процессе профессиональной подготовки [Текст]/И. Л. Плужник//Автореф. дис. док. пед. наук — Тюмень, 2003. — 29 с.
10. Сафонова В. В. Культуроведение в системе современного языкового образования [Текст]/В. В. Сафонова//Иностранные языки в школе. — 2001. — № 3.; с. 17
11. Сысоев П. В. Культурное самоопределение личности в контексте диалога культур: Монография. [Текст]/П. В. Сысоев. — Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2001. — 175 с.
12. Халеева И. И. Вторичная языковая личность как реципиент ино-фонного текста. [Текст]/И. И. Халеева//Язык — система. Язык — текст. Язык — способность. — М.: Институт русского языка РАН, 1995.
13. Чужакин, А. П., Палажченко П. Мир перевода, или Вечный поиск взаимопонимания: [Текст]. — 2004, 192 с. — Инт.-ресурс. Режим доступа: http://window.edu.ru/window_catalog/files/r19555/metod480.pdf, свободный.
14. Шамиева, В. А. Ассертивность в структуре личности субъекта адаптации [Текст]/В. А. Шамиева//автореф. дис.канд. психол. наук — Хабаровск, 2009—24 с.
15. Швейцер, А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. — М.: Наука, 1988. — 216 с.
16. Byram, M. Cultural studies in foreign language education. — Clevedon, Avon, 1989; с. 215
17. Byram, M. Teaching Foreign Languages for Intercultural Competence//Культуроведческие аспекты языкового образования. Сб. науч. трудов/Под ред. В. В. Сафоновой. — М.: Еврошкола, 1998. — С. 7– 21.
18. Neuner G. The role of sociocultural competence in foreign language teaching and learning. — Strasbourg: Council of Europe, 2002. — 276 p.

Tokymbetova Gulbahar Abatbaevna, competitor Karakalpak State University names Berdakh, Department of History of Karakalpak literature and folklore.

Тоқымбетова Гулбахар Абатбаевна, соискатель Каракалпакского государственного университета имени Бердаха

The creative individuality of Berdakh

The paper investigates the synthesis of folk traditions in the works of Berdakh, the great Karakalpak poet. The tradition and innovations are determined in his works.

В данной статье исследуются синтезирование фольклорной традиции в творчестве поэта Бердах. Определяется традиция и новаторство в произведениях поэта.

So far the works of Karakalpak classic writer of the 19th century Berdakh have been researched from different points of view. First, the materials belonging to the poet were collected and literary works were published.

Later, a few works of the writer were discussed in the press in the historical and literary contexts. His works were studied by N. Daukaraev, I. Sagitov, M. Nurmukhammetov, N. Japakov, A. Karimov, K. Bainiyazov, A. Murtazaev, Kh. Khamidov, A. Pakhratdinov, S. Bakhadirova, A. Pirnazarov, K. Kamalov, K. Kurambaev, B. Kurbanbaev, K. Jarimbetov, K. Allambergenov, K. Yusupov, K. Turdibaev, M. Tashkenbaeva and other literary critics.

Based on the scientific conclusions of these research works, one can see the originality of Berdakh's works. Studying the individual peculiarities of Berdakh's creative work using the achievements of today's Literary Criticism and theoretical conclusions will bring good results.

The literary heritage of the classic literature has not reached us in print because of historical conditions. Therefore, since the 30s of the last century it has been collected from people in the form of copies and by word of mouth.

One can see different variations in the collected materials kept in the library stock of the Karakalpak Branch of Uzbek Academy of Sciences. Some manuscript copies need careful textual research. The same problems can be found in Berdakh's works being the object of research of many research works.

This problem is properly explained in some of the researchers' scientific observations of the authorship of the majority of Berdakh's works¹.

Along with solving this kind of problems in Berdakh Studies nowadays it is necessary to study his creative skills, world-view, aesthetic principles, ideals, pathos, literary methods, style and other peculiar creative aspects.

The level of research of Berdakh's works up to now is the scientific problem of our research work.

The goal of our research is to study the creative work of the representative of the 19th century Karakalpak classic literature Berdakh, his poetic individuality, ideological and thematic originality, national and artistic features in relation to historical, cultural and literary conditions.

According to the abovementioned goal the following work is carried out:

- general analysis of the theoretical research on the individuality of creative work;
- define the signs of individuality in the heritage of Karakalpak bards (minstrels);
- research of the 19th century literary environment as the determining factor of Berdakh's individuality;

¹ Karimov A. On the Issue of Textology of Berdakh's Works. "Amudarya", 1977, #7, pp. 112–116; K. Bainiyazov. "Each of My Words is Gold" "Amudarya", 1977, #8, pp. 85–95.

— define the use of folk-lore style depiction in the lyric poetry of Berdakh and its role in the formation of the individual style of the poet;

— remaking of the epic traditions, alterations in the works of Berdakh. Studying the originality of the author's style;

— studying the poetic individuality of Berdakh's works;

Berdakh's collections of poems, published in different years, were mainly analyzed in the work.

There is no research work on the issues of individuality of creative work in Karakalpak literature. In spite of it in the research works on Berdakh's creativity, chosen as the subject of this dissertation work, and monographs, the issue we intend to discuss about will be dwelt on to some degree. N. Daukaraev's and I. Sagitov's works can be singled out from them.

Pointing out the role of Berdakh's creativity and originality in the history of Karakalpak literature, N. Daukaraev said that the poet had his own style and unique oeuvre.

The scientist says that subject, plot, character, composition, artistic system and form are the elements defining the literary style, and underlines the following as distinctive pen craft pertaining to Berdakh's works:

“First, Berdakh's themes: hard life of the working people, their grief, distress, wishes and struggles for freedom.

Second, the characters of Berdakh's works are working people, men who originated from them and dreamed of freedom.

Third, Berdakh's works are full of just, honest, optimistic, humanistic and popular democratic ideas.

Fourth, most of Berdakh's works are based on the rich oral folk arts. All of this made up the unique oeuvre of Berdakh.”¹

But I. N. Sagitov defines the unity of the main ideological and artistic distinctiveness of the writer's creative work i. e. main ideas that define the writer's outlook and the contents of his works, his plots and characters, stylistic devices and language characteristic of his works as the main signs of the writer's (poet's) pen craft.

He defines Berdakh's pen craft from this point of view: “First, if we research Berdakh's works carefully, we can see that the political, civic motives i. e. social motives prevail in them. The majority of Berdakh's works ... are political and civic lyric poetry... Second, the poet's works show clearly his world view and class position. ... for example, his popular works “Salykh” (Tax), “Bolgan Emes” (Never Happened), “Akhmakh Patsha” (Stupid Khan) are of this type... Third, not only the class inequality between the exploiters and the oppressed are described in the poet's works but also the irreconcilable class struggle between them, and his idea of calling on people for revolt against brute kings can also be felt... ”²

Researcher of the history of literature A. Murtazaev demonstrates distinctly the signs defining the unique pen craft of Berdakh using excellent textual examples. The works of the representatives of the 19th century Karakalpak literature, poets Kunkhja, Ajiniyaz, Berdakh and Otesh may seem close to each other due to the period and social relations. Namely, their works are like in their ideological, thematic, genre set of patterns and others. But in describing a certain subject, the authors have their own view point on it.

While researching the textology of poet Berdakh's works A. Murtazaev pays attention to this side of the problem.

“Describing the pitiful life of the working people in his works the poet also criticized the exploiters. Berdakh's lyric hero is a socially active man, ... the freedom of thought, the ability of

¹ Daukaraev. N. Full collection of works. Volume 3. Nukus, “Karakalpakstan”, 1979, pp. 150–151.

² Sagitov I. The Nightingale of Sahara. Nukus, “Karakalpakstan”, 1974, pp.292–293.

rapidly distinguishing friends from enemies, the good from the bad make up the peculiarity of the poet's nature," he said singling out the most individual features.

Author's creative individuality is not the system of skills characteristic of him in creative work, but the reflection of his outlook in every work, his understanding of the world, his way of explaining, in a word, author's finding his own self in creativity in a manner.

It is clear from the history of Karakalpak literature that before Khunkhoja, eposes about heroes, lyric poetry, and didactic rhymes played a certain part in it. By breaking this literary tradition in the 19th century,

Kunkhoja developed both the content and the form of Karakalpak poetry and made great changes in the genres in the history of Karakalpak literature. As for poet Berdakh, he remade the traditions of modern poetry style of Kunkhoja and folk lyrics, developed and diversified them artistically and ideologically. The questions, "Where did the great men, who made the reform in the history of Karakalpak Literature, come from and how did they appear?" are very interesting.

Berdakh's rising to the top of the unique pen craft is not only connected with his poetic talent, but also with the influence of the sociohistorical environment which raised and developed that poetic talent.

"Historical environment and time raises a certain creative individuality to the foreground. Or the new stage of social development puts forward the creative personality meeting its requirements instead of the popular creative personality of the previous stage, and provides him with all opportunities to develop." ¹

Berdakh is one of the greatest poets of such sociohistorical period. This opinion is proved by the following words of K. Jarimbetov, the scientist who researched the 19th century Karakalpak lyric poetry:

"... the sociohistorical period itself needed the creation of the new fiction which would glorify the needs of people, support them morally and could express their spiritual peculiarities. The origin and development of the 19th century poets Kunkhoja, Ajiniyaz and Berdakh was the fruit of these sociopolitical situations."²

The individual and descriptive spirituality is the aesthetical center providing the poet with his "selfness". The logical development of artistic thinking, the evolution of the freedom of descriptive ability, the level of original literary thinking, the confrontation of consciousness and feeling find their reflection in it.

If we take into consideration that in lyrical descriptions the perception and explaining of the world moves from concrete to abstract, it will be clear that the recreation of the content of life in the sense perception belongs to the subjective quality index. In this meaning the individual content of the creativity rules the spiritual culture of description.

To put it clearer, the perception field of the matter is especially renewed in reflection. The individual signs of creativity cover the distance between the spirit of the epoch and the selfness of the creator:

*Berdimurat says without being able to see the light,
He is going to die without being happy,
Berdimurat likes people, people like him,
As much as their only son, much stronger than their own lives.*

The poem consists of the description of the picture of everyday life occurrences, social phenomena and the spiritual condition. The spirit of time is seen distinctly in the realism of thoughts connecting the fate of the nation, the unity of people and the interests of the Motherland.

¹ Sagitov I. The Nightingale of Sahara. Nukus, "Karakalpakstan", 1974, pp.292–293.

² Jarimbetov K. The Genre Qualities of the 19th Century Karakalpak Lyric Poetry and the History of Development. Nukus, "Bilim", 2004, p.38.

The philosophy of the poet, who had seen his life together with hard-working Karakalpak people sharing their convictions, was directed to see the man and world in the unity. This philosophy goes deep into the anxieties and aspirations of the nation. The freedom of a person, the future of the Motherland, and the greatness of the nation make up the leitmotiv of the poem.

The thought to be said in Berdakh's creative work directs to the simplicity in the description of quality, evenness and clarity.

The creative power of the dactylic verse is expressed perfectly in the lyric poetry of Berdakh.

The collection of people's aspirations reminding of meaningful proverbs and the expression of musical tone express the romantic character of realistic description. These are especially characteristic of his works such as, "For People", "Better", "Tax", "I Need", "Don't be Stupid", "Daughter-in-law", "I Would Look for", "The Truthful Kalmyk", "Genealogy", "The Stupid Khan".

In the works of Berdakh, the 19th century classic of Karakalpak literature, the features such as sad spiritual experiences moving and becoming stronger from poem to poem, beliefs and feelings leading forward to future, dedication to the national and general humanistic values, the dream of raising the man higher, the naturalness in portraying, the swiftness and affecting nature, the exactness, the deepness of thoughts make the poet's lyrics exceptional. Therefore, this lyric poetry left unforgettable trace in the 18th — 19th century sociohistorical environment, withstood the test of time and is of great importance with its worldwide humanistic values. When we research Berdakh's creative individuality, the necessity to explain his literary environment, the role of folk traditions, their changing and remaking in his works, the author's character, his getting individual literary style parting with the folklore style will arise.

In the poetic searches of the poet, we can see a strong likeness to the poetic traditions of the folk lore.

Because the artistic didactics (explanation mine-G. T.), a delicate observation including energetic reflections, is characteristic of the psychology and mentality of people. This description's wideness in covering the life is the main literary index showing the poetic individuality of the poet:

*I was a poet and wrote about what I saw,
What my soul felt and knew,
Became weak and thin because of hardships of time,
Dreaming of bright days for people.*

Thinking about the poetry and the work of the poet, the author raises the feeling and telling the truth to the highest level. The poet opposes dreams to the everyday contradictions appearing in the mysterious world.

He portrays a person trying to find himself, to distinguish the good from the bad, and to evaluate the events with his own eyes in the world of problems. The dream of the lyrical hero trying to understand the truth of life is directed to reach the spiritual achievement and development. The artistic dynamism of the lyrical digression gains strength from describing the condition of feeling.

Though behind the logical explanations of the "Bright days" overwhelms the burden of sad dream, the feeling of believing in future makes the artistic texture of the poem keep moving. In the lines, based on the frequency of events and syncretism of philosophical and psychological portraying, is seen the continuity of the order of feeling.

The signs differing Berdakh's poems from folk poems, lyric poetry and didactic rhymes of previous poets can be seen in the original structure of his poems, in the unity of the content and the form, in the use of the artistic devices and descriptive methods.

The research found out that in the lyrics of Berdakh we can see the truth of life being described with the wide epical portraying, with the border of measurement in the historical events, with the freedom of description consisting of requests, and with the permanency of psychological analysis in explaining the meaning of the event.

In the poems written with high creative emotion, the description and reflection (analysis) always change each other keeping the sequence.

The folk poems of Karakalpak people described the leaders of the country, the heroic deeds of historical people who defended his motherland with high spirit. The eposes glorified the heroism characteristic of feudal system, earlier tribal and patriarchal stage. The folklore reflects the dreams of people by glorifying heroes, trying to cite them as an example for the future generations. In the lyrics of Berdakh, the traditions of folklore was remade and got new contents and a new form.

The thematic tradition taken from folklore is cult of the hero, glorifying heroism. In the 19th century Karakalpak literature, Berdakh continued this theme in his works “Aidos Baba” (Great Grandfather Aidos), “Ernazar Bii” (Ernazar the Leader), and “Amangeldi”. The continuation of this thematic tradition is connected with the sociohistorical and politico-economic conditions of his time. As one of the leading intelligent men of his time, the poet expressed his point of view on the social life and the social system of the time in his works. His creative individuality was also connected with his attitude to the social system of his time. There was necessity for Berdakh to have such “epochal tasks” and describe them in his works. In the time of Berdakh there lived several nationalities in Khiva Khanate.

Those peoples, ethnic groups had their own mode of life, native language, spiritual culture, and literature which had been developed for centuries.

The disappearance of feudal relations from the social system and the appearance of other relations influenced on the consciousness of people, and raised them to the level of understanding national consciousness, rights and economic interests.

As a result, peoples living in the khanate started to keep their national unity. The poet, grown in this historical condition, created the characters of national heroes such as Aidos, Amangeldi and Ernazar Bii.

The epic characters of Berdakh (Aidos, Ernazar, and Amangeldi) were not created as folklore prototypes but as the historical prototypes.

In description of the historical events happened in 1827, 1855–56 in the life of Karakalpak people, there are no folklore type hackneyed portrayings, repetitions of events and episodes, but the author’s clear position towards the described period, and the trend to describe the national identity from the universal humanistic point of view is expressed perfectly.

If the characters of the same type: heroes, their enemies, khans, lovers, common people, witches, and satans are described in the folklore in the mythological fantastic way, in the historic eposes of Berdakh the author’s idea is reflected in the historical conditions of a certain epoch, and through the images built around separated historical figures’ prototypes. So these works are the fruits of the new artistic thought which creates new literary traditions separated from the folklore duty to the searches going in it.

The “Shezhire” (Ethnogenesis) is the artistic reflection of the national unity, the development of the national consciousness of people. Berdakh’s ethnogenesis is the new ethnogenetic genre developed from the synthesis of the traditions of the ancient ethnogenesis written in Turkic languages and the national folklore ethnogenesis.

After reminding the God and prophets, Berdakh’s work on ethnogenesis describes the legends about the origin of Turkic peoples, national-ethnic division of peoples living in Khorezm, and the process of understanding national identity. Then the poet, on the basis of legends and myths spread among people, explained the process of turning national consciousness and social consciousness into private consciousness, and how economic interests were becoming more and more important in life.

The second part of “Shezhire” (Ethnogenesis) mainly consists of the legends and myths about the historical events experienced by Karakalpaks in the 19th century.

Berdakh's "Shezhire" is a work of fiction. The historical facts in it are described beautifully with artistic imagination. Along with legends and stories, fairy-tales were also used in it. The legend about Genghis in Berdakh's "Shezhire" conveys the image of the fair leader idealized by people.

Berdakh's views on some of the historical events was also reflected in "Shezhire". The poet described the struggle of Karakalpaks against Khiva khans in the 18th-19th centuries. By describing the ruling period of Aidos, he created the image of the historic figure, and criticized the policy of Khiva khans.

The most important thing is that with the help of the legends about the historic figures in the history of Karakalpaks, the leaders of the country Esengeldi, Aidos Bii, Kudaiberdi Jetim, Asan and Polatbek, the patriotic feelings were described.

Berdakh's epical works are famous for their characters' interesting world, stylistic devices, their plot and composition structure and artistic quality.

In each of his works, in portraying the theme taken right from the life, in creating images, in choosing and developing the plots, in making up the composition, in using stylistic devices and methods of portraying Berdakh used his own original style.

Berdakh's originality in portraying consists in his using of the contrast style in all of his lyrical works.

In the poet's lyrical poems on social problems, namely, in the poem "Zamanda" (In Our time), (If you are rich, you have endless riches, if you are poor, you won't be successful), "Karamas" (Don't Even Look), (The rich are very popular, The poor are very sad), "Akhivet" (Consequence), "Salikh" (Tax), "Pana ber" (Help me), "Bolghan emes" (Never Happened), "Bolmadi" (Never had), "Omirim" (My Life), "Napsim mening" (My Wishes), "Dauran" (Life), and in the didactic poems "Khalk Ushin" (For People), "Jaksirak" (Better), "Kim Aitar" (Who says?), "Know it" (Bilgeisiz), "Balam" (Son), "Izler edim", (I would look for), "Eken" (Turns out to be) two kinds of social lives were depicted in contrast to each other, or the social difference was conveyed with the help of antonyms. This shows the author's specific viewpoint on the described object. In conveying didactic thoughts in his poems, in assessing people of the society, Berdakh frequently uses antithetic descriptions.

*A lot of people come to the good man's house,
A bad man looks around greedily,
A good man never lets his enemies smile,
A good man eagerly makes friends,
The bad men throw stones at people.*

In Berdakh's works the lyrical character is active. The author's views on society, on the two kinds of lifestyles of the society are conveyed through metaphors, simile, and antithetic devices.

In the works of the poet the lyrical character's complaints about the social life, sociopolitical views and the conflict with the social environment arising as a result of it make up the internal dynamism of the poem. This is the individual feature of the poet who was always honest and tried to convey the inner feelings of the lyrical character who had already made his own decision.

After researching the issues of Berdakh's personal style and individuality in the 19th century Karakalpak literature, the following conclusion has been made:

The main factors that played significant role in developing Berdakh's individuality are — the natural talent of the poet, the social system in which he lived, his creative experience, world view, principles of figurative describing the world, artistic method and style.

The world views of the poet were under the influence of the society, the ideological and political environment of his time. His views on the society and social strata confronted each other. Social life played a great role in forming of the poet's views and ideological position.

Berdakh made use of the resources of the lyric genre in describing the exterior environment and its influence, and used personal feelings and thoughts to convey them. In doing so he showed that he had risen over folklore style and reached the individuality in the creative work.

The didactic character of Berdakh's lyric poetry signifies its originality. No matter what problems the poet describes, what genre he uses, the didactic views prevail in his thoughts. The poet was never tired of teaching the universal humanistic qualities and good manners in his works.

Folklore characters' gaining new qualities in the works of the poet is one of the signs showing his individuality. Some folklore characters, positive characters are described in accordance with the personal ideas of the author. The originality of the compositional structure of the epos "Akhmakh Patsha" (Stupid Khan) is that Berdakh tried to create a work whose lyrical structure and form would be like that of folk epos. Therefore, the poet called his work "epos". In spite of it, the epos "Stupid Khan" greatly differs from folklore because there are no imaginary elements frequently used in the folklore.

One more distinguishing feature of this epos is that if in the folk eposes the positive characters were the representatives of the exploiter classes, in "Stupid Khan" they are the working people and the masses of common people."¹

There is likeness in plot and motive of the compositional structure of the classic works and in the way of creating the character's image, just as in other Karakalpak eposes. We see this in the epos of "Stupid Khan" by Berdakh. Let's take for example the khan's birth, coming to power and his activities carried out for his own sake. Or let's pay attention to the images of Gulim and Gulzar. To describe the main events of his time, and to express his own ideas about them the poet created the abovementioned characters and tried to portray them just like in eposes. In narrating this kind of eposes, in connecting events with each other various episodes were used. In its turn, this method helped to strengthen the artistic value of the work.

The poet's description of his attitude towards the events in his own way, the inner contents of the events, the mechanism of their development and the ideological successiveness in evaluating them ensures the importance of the theme.

The main them of Berdakh's creative work is glorifying the national identity, past, history and the future of the people. This theme has evolutionary development, and from the image of the lyrical hero, who was described as dreaming of freedom in his lyrical poems, it was raised to the epical image of folk heroes who defended the motherland.

Antithesis and metaphor were used in the lyrics of the poet as the main stylistic devices to convey the views of the author.

The literary style takes shape only when it is free from the folklore traditions. The individual style appears when the author can reflect on his own independently of the folklore aesthetics.

Berdakh's personal (individual) style, personal skills, were based on skillfully used historical and literary traditions, and made sure by the works saturated with personal historical, social, political and ideological views.

Berdakh considered the folklore aesthetics not as the principle of description but the cultural legacy of people. Therefore, the folklore descriptive system (elements, mythology, legends, characters, the language, stylistic devices and so on) was used in his works when it was only relevant.

Reference:

1. Karimov A. On the Issue of Textology of Berdakh's Works. "Amudarya", 1977, #7, pp. 112–116;
2. Bainiyazov K. "Each of My Words is Gold" "Amudarya", 1977, #8, pp. 85–95.
3. Daukaraev N. Full collection of works. Volume 3. Nukus, "Karakalpakstan", 1979, pp. 150–151.

¹ History of Karakalpak Literature. – Tashkent: Fan, 1994. –p.236. This theme had been reflected to a certain degree almost in all the lyric poems of the poet. And in the works such as "Great Grandfather Aidos", "Amangeldi", "Ernazar Bii" the poet could convey humanistic ideas through glorifying the national interests of people.

-
4. Sagitov I. The Nightingale of Sahara. Nukus, "Karakalpakstan", 1974, pp.292–293.
 5. Nosirov U. Creative Person, Artistic Method, the Image of the Author.-Tashkent, Fan, 1981.-p.17.
 6. Jarimbetov K. The Genre Qualities of the 19th Century Karakalpak Lyric Poetry and the History of Development. Nukus, "Bilim", 2004, p.38.
 7. History of Karakalpak Literature. — Tashkent: Fan, 1994. –p.236

Contents

Kalita Inna Vladimirovna

Generational Identity (New Literature at the Crossroads of Modernity) 3

Lipatova Yulia Yurievna

Lacunarnost: general definitions and approaches to study 23

Matveyeva Nadezhda Aleksandrovna

The problem of forming cross-cultural competence of future interpreters in contemporary theory and practice of education. 30

Tokymbetova Gulbahar Abatbaevna

The creative individuality of Berdakh. 44